

Юлия Правдина

НАСЛЕДНИЦА
ДВУХ МИРОВ

Юлия Правдина

Наследница двух миров

«Литнет»

2026

Правдина Ю.

Наследница двух миров / Ю. Правдина — «Литнет», 2026

Она перешла Стену, чтобы спасти друга. Земли виверн оказываются не тем адом, который ей рисовали в учебниках. Здесь тоже есть дети, дома, надежды. И здесь, как и в Протекторате, есть те, кто хочет мира, и те, кому выгодна война. Чтобы спасти друга и найти предателя, Элоре придётся заключить союз с теми, кого она считала врагами. Раскрыть тайну древних экспериментов. И сделать выбор: остаться принцессой, для которой война — лишь средство, или стать тем, кто её закончит. Война длится веками. Но всё меняется, когда кто-то решается посмотреть правде в глаза.

© Правдина Ю., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Вспомним героев	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	42
Глава 10	46
Глава 11	49
Глава 12	52
Глава 13	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Вспомним героев

Элора(Лора) — принцесса Элеонора, единственная дочь Верховного Канцлера. Обладает «магической хрупкостью» — её тело не выдерживает прямого воздействия магии. Виртуозно владеет парными кинжалами. Сбежала из дворца, чтобы поступить в Академию наездников на мантикорах под чужим именем. Прошла все испытания, связалась с мантикорой-изгоем Люцидором. Открыла в себе две Печати: Ледяную (контроль над холодом и воздухом) и Теневую (способность растворяться в тенях). В конце первой книги раскрыла свою личность отцу и получила от него задание шпионить за Академией, но вскоре узнала страшную правду о заговоре, в который замешаны высшие круги Протектората, и о предательстве Финна.

Люцидор— мантикора-изгой, которого Элора нашла раненым и связала с ним Зверодух. Изначально слабый и больной, со временем окреп, превратившись в могучего, царственного зверя с песчаной шерстью и зелёными глазами. У него есть небольшой физический изъян — одно крыло чуть менее гибкое, но он компенсирует это мастерством и связью с Элорой. Предан ей безгранично, чувствует её боль и страхи через связь, готов защищать ценой жизни.

Кейден— второгодник, помощник инструктора, наездник на огромной тёмно-бурой мантикоре по кличке Громовержец. Обладает Теневой Печатью, которая засекречена и используется для слежки за кадетами. Сначала казался главным врагом Элоры — холодный, надменный, постоянно придирался к ней и Люцидору. На деле оказался человеком, ищущим правду о гибели брата, которого убили свои же из-за того, что он узнал о запрещённых экспериментах. Вынужден был связаться с вивернами, чтобы получить ответы. В конце первой книги раскрылся Элоре как союзник, помог ей освоить Теневую Печать. Его мантикора Громовержец тяжело ранен в битве за Академию, но не смертельно.

Лири— первогодка, дочь пограничного лорда с севера. Сильная, надёжная, с холодным умом и стальным характером. Владеет мечом и щитом, её мантикора — бронзовая Аура. Стала лучшей подругой Элоры в Академии, единственная, кому Элора почти доверяет. Поддерживала её в самые тяжёлые моменты, сражалась плечом к плечу в битве за Академию. Ценит прямоту и честность, не выносит лжи и предательства.

Рогар— первогодка, один из самых сильных физически кадетов. Грубый, самоуверенный, насмешливый, поначалу постоянно задирает Элору, считая её слабой. Его мантикора — золотоглазая Ирис, такая же агрессивная и мощная. После совместного прохождения испытаний и особенно после битвы за Академию, где Элора спасла ему жизнь, начал относиться к ней с уважением. В конце первой книги тяжело ранен, но выживает и обещает догнать Элору на практике.

Финн— низкорослый, вертлявый парень с острыми чертами лица и живым умом. Сирота, взятый в Академию как писец, картограф и «собираатель полезных сведений». Был другом и помощником Элоры, делился слухами и информацией. В конце первой книги раскрывается как предатель — он работал на заговорщиков, направлял Элору, следил за ней и докладывал. Исчез во время битвы за Академию, прихватив улики.

Келан— инструктор Академии, седовласый мужчина с лицом, высеченным из камня. Суровый, справедливый, требует абсолютной дисциплины. В конце первой книги узнаёт от Элоры правду о заговоре и о причастности Канцлера. Обещает помочь найти Финна и разобраться в происходящем.

Бык— инструктор по рукопашному бою, громадный детина с шеей толще головы. Грубый, требовательный, но честный. Выжил в битве за Академию.

Оррин— маг в серой мантии, преподаватель по магической поддержке и Печатам. Спокойный, методичный, рассказывал о классификации Печатей и рисках, связанных с ними.

Гаррет— третьекурсник, огромный красивый парень, но с отвратительным характером. На спарринге жестоко избил Элору, сломав ей два ребра. Символизирует тех, кто видит в ней только слабость.

Дейн— второгодник, друг Кейдена, наездник на серебристо-серой мантикоре. Знает о Кейдене всё, помогает ему в разведках и в борьбе с заговором. Надёжный, молчаливый, преданный.

Талия— третьекурсница, специалист по маскировке и скрытному наблюдению. Входила в отряд Кейдена в разведке к Стене. Её мантикора — песочная Рэн с тёмными крапинками.

Незнакомец— таинственный мужчина в плаще, который вывел Элору из боя через тайный ход и привёл в лабораторию Хельдана. Раскрыл ей часть правды о заговоре, но не назвал своего имени. Вероятно, связан с братом Кейдена или с сопротивлением.

Дариан— Верховный Канцлер Солнечного Протектората, отец Элоры. Узнал дочь во время визита в Академию. Оставил её учиться, но дал задание шпионить за Академией и искать предателя. В конце первой книги выясняется, что он причастен к финансированию экспериментов Хельдана, но масштаб его вины и степень осознания остаются неясными.

Ви́ра— мантикора брата Кейдена, Тегана. Заражена чужой магией, содержится в изоляторе Академии как живое пособие для экспериментов. Кейден пытается её вылечить.

Хельдан— древний алхимик и маг, чьи запрещённые опыты по усилению Зверодуха стали основой для современных экспериментов. Умер столетия назад, но его методы продолжают использовать заговорщики.

Глава 1

Дорога до заставы «Каменная Челюсть» заняла три дня. Три дня полёта над выжженными землями, где даже весна не могла скрыть следы войны. Элора смотрела вниз на чёрные проплешины гари, на остовы сгоревших деревьев, на редкие фигурки людей, которые, задрав головы, провожали их взглядами — испуганными, уставшими, полными надежды. Каждый такой взгляд был упрёком. Она летела мимо, а они оставались здесь, на земле, где смерть была неотъемлемой частью жизни.

Люцидор летел ровно, мощно, но Элора чувствовала его усталость. Его бок, рассечённый когтями виверны в битве за Академию, зажил, но шрам тянул при каждом взмахе крыла. Через связь приходило тихое, ровное спокойствие, он старался не передавать ей боль. Она же мысленно гладила его по воображаемой шерсти, и это простое движение, отточенное за месяцы, успокаивало их обоих.

Лира летела справа, её Аура, бронзовая и мощная, держалась ровно. Подруга была молчалива эти дни, что необычно для неё. После похорон, после прощания с Кейденом и Рогаром, она словно ушла в себя. Элора не задавала вопросов. Она знала: иногда молчание — единственный способ не сломаться.

На привалах они говорили мало. Разжигали костёр из сухих веток, грели воду, жевали сухой паёк. Однажды, когда луна скрылась за тучами и темнота стала непроглядной, Лира вдруг спросила:

- Ты думаешь, это когда-нибудь кончится?

Элора не сразу нашла ответ. Она смотрела в огонь, на языки пламени, лижущие почерневшие камни, и думала о том, что война — это такой же огонь. Его можно разжечь, можно потушить, но он оставляет после себя только пепел.

- Не знаю, — честно ответила она. — Но я хочу, чтобы кончилось.

Лира кивнула, и они снова замолчали.

Воспоминания о битве за Академию приходили по ночам. Элора видела Громовержца, падающего с неба, слышала крик Кейдена, чувствовала, как её кинжал входит в грудь Хранителя Гнёзд. А потом наступала тишина. И тысячи огней погребальных костров, освещающих ночное небо. Торбин, Вульф, Скай, десятки других — их лица мелькали перед глазами, и каждый раз она просыпалась с чувством, что не имеет права на покой. Она выжила, а они — нет. И она должна была сделать так, чтобы их смерть не была напрасной.

На третий день впереди показались горы.

Они были не такими, как около Академии — не величественными, не заснеженными, а чёрными, обугленными, словно кто-то гигантской рукой провёл огнём по их вершинам. Между ними, в глубокой расселине, и лежала застава. Элора всматривалась в серые скалы, пытаясь разглядеть крепость, но видела только редкие сторожевые башни, сложенные из грубого камня, и низкие, приземистые строения, вжавшиеся в склоны.

«Каменная Челюсть» получила своё название не случайно. Ущелье, в котором она располагалась, напоминало полуоткрытую пасть гигантского зверя — узкое, мрачное, с зубчатыми скалами, нависающими сверху. Воздух здесь был тяжёлым, пропитанным запахом гари, пыли и чего-то кислого, металлического. Где-то далеко, за горами, пульсировала Стена — Элора чувствовала её магический гул даже на расстоянии. Боль в висках, знакомая и ненавистная, вернулась, напоминая о себе тупой, ноющей пульсацией.

- Не крепость, а дыра, — прокомментировала Лира, когда они снизились для посадки. В её голосе не было удивления, только усталая правда. — Похоже, нас не ждут.

Элора промолчала. Она уже видела, что творится на плацу — небольшой, вымощенной неровным камнем площадке перед главным зданием. Вместо чёткого строя — кучки людей

в потрёпанной форме. Вместо выправки — вялые, опущенные плечи. Мантикоры, сидящие у стен, выглядели не лучше — худые, с тусклой шерстью, некоторые были перевязаны, другие носили следы старых, незаживающих ран.

Они приземлились, и сразу же к ним направились женщины. Высокая, худая, с коротко стриженными тёмными волосами и лицом, изрезанным морщинами так глубоко, что они казались шрамами. Её форма была такой же потрёпанной, как и у остальных, но держалась она с достоинством, которое не могли сломить ни годы, ни война. На поясе — два коротких меча, на левом плече — знак коменданта заставы.

- Лора и Лира? — спросила она, окидывая их быстрым, оценивающим взглядом. В её глазах, серых и острых, не было тепла, но не было и враждебности. Только усталая, профессиональная настороженность. — Я Мораг. Комендант «Каменной Челюсти». Докладывайте.

Они представились, хотя Элора была уверена, что Мораг уже знает, кто они и откуда. Из Академии передали списки, распределения, характеристики. Женщина слушала, не перебивая, потом кивнула.

- Хорошо. Размещение в общих казармах. Паёк по расписанию. Первый патруль — завтра. Сегодня — освоиться, изучить местность, набраться сил. — Она помолчала, и в её голосе впервые прозвучала тень иронии. — Если, конечно, здесь можно набраться сил.

Она развернулась и пошла прочь, не дожидаясь вопросов. Элора переглянулась с подругой.

- Дружелюбно, — заметила та. — Прямо как в Академии.

- В Академии было лучше, — тихо сказала Элора, оглядываясь.

Потому что здесь, в отличие от Академии, не было иллюзий. Здесь война была не учебой, не разборами полётов и не лекциями о тактике. Она была в каждом камне, в каждой тени, в каждом взгляде.

Они повели мантикор в отведённые стойла. Те были вырублены прямо в скале — узкие, тёмные, с низкими сводами. Пахло сыростью, мочой и старой кровью. Элора, заходя внутрь, почувствовала, как Люцидор напрягся. Он не привык к таким условиям — в Академии питомники были просторными, светлыми, с магической вентиляцией. Здесь же воздух был спёртым, и даже магический фон, вечный спутник мантикор, казался каким-то болезненным и ослабленным.

- Прости, — прошептала она, глядя его по шее. — Придётся потерпеть.

Он лизнул её руку шершавым языком, и через связь пришло тепло, спокойствие, принятие. «Где ты, там и дом».

Элора прижалась лбом к его лбу, чувствуя, как к горлу подступает комок. Она не плакала после битвы. Ни разу. Даже на похоронах, когда Лира рыдала у неё на плече, а Рогар сидел, сжав кулаки так, что костяшки побелели, она не позволила себе сломаться. Теперь же, здесь, в этом сыром, тёмном стойле, где пахло смертью и безнадёжностью, она вдруг остро осознала, как сильно устала. Как ей не хватает Кейдена, который должен был быть здесь, рядом. Как она боится, что следующая битва станет последней для неё или для Люцидора.

- Ты как? — спросила Лира, появляясь в проходе. Её Аура уже была устроена, и подруга выглядела такой же измотанной, как и Элора.

- Держусь, — ответила она, отстраняясь от Люцидора. — А ты?

- Держусь. Пойдём, посмотримся. Нужно понять, где мы и что здесь вообще происходит.

Они вышли наружу. Плац, который сверху казался просто грязной площадкой, вблизи выглядел ещё хуже. Камни были в выбоинах, в некоторых местах виднелись тёмные, не смытые дождями пятна крови. У стен стояли люди. Не строем, не шеренгами — просто стояли, прислонившись к камням, курили, перебрасывались редкими словами. В их глазах не было того огня, который горел у кадетов Академии перед первым полётом. Только усталость. Беско-

нечная, выматывающая усталость людей, которые видели слишком много смертей и перестали верить, что когда-нибудь это кончится.

- Эй, новенькие! — окликнул их парень, сидящий на бочке у входа в казарму. Он был не старше их, с рыжими, давно не стриженными волосами и лицом, покрытым мелкими шрамами. Его форма была перепачкана грязью, на руке — самодельная повязка, из-под которой сочилась кровь. — Из Академии, да? Первый раз на практике?

- Да, — ответила Элора, подходя ближе.

- Сочувствую, — он усмехнулся, но усмешка вышла горькой. — Вас хоть предупреждали, куда летите?

- Нам сказали — сектор «Клещи», — ответила Лира. — Застава «Каменная Челюсть».

- Сказали, — кивнул парень. — А про то, что здесь происходит, не сказали?

Они переглянулись.

- А что здесь происходит? — осторожно спросила Элора.

Парень посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на жалость.

- Здесь происходит то, что осталось от войны, — сказал он. — Три месяца назад это был передовой форпост. Полторы сотни наездников. — Он огляделся, и Элора заметила, как дрожат его руки. — Теперь нас сорок семь. Из них боеспособных — тридцать. А виверны прилетают каждую ночь. По несколько штук, но каждый раз кто-то не возвращается.

Он замолчал, и тишина стала тяжёлой, давящей. Элора смотрела на плац, на людей, которые, казалось, уже смирились с тем, что их конец близок. Она думала о том, что отец послал её сюда, не предупредив. Что Келан знал, но ничего не сказал. Что её первая практика — это не проверка навыков, а участие в мясорубке.

- Почему вы не отступили? — спросила Лира, и в её голосе прозвучала та же мысль.

Парень усмехнулся, и усмешка его была страшнее любых слов.

- А куда? За нами — деревни. Женщины, дети, старики. Если мы уйдём, виверны проврутся. И тогда... — он не договорил, но они поняли.

Элора вспомнила чёрные проплешины на земле, которые видела с воздуха. Сгоревшие деревни, беженцев, бредущих по бездорожью. Война была не только здесь. Война была везде.

- Спасибо, — сказала она парню. — За правду.

- Правда здесь никому не нужна, — он пожал плечами. — Но вы спросили.

Они пошли дальше, обходя заставу. Всё здесь было пропитано войной — стены в выбоинах от когтей виверн, разбитые сторожевые башни, скудные запасы продовольствия, которые выдавали по строгим нормам. Люди смотрели на них с любопытством, но без надежды. Новенькие прибывали сюда редко, и те, кто прилетал, быстро понимали, что их ждёт.

Вечером они сидели в казарме — длинном, низком помещении с нарами в два яруса. Спать не хотелось. Элора сидела на своей койке, прижав колени к груди, и смотрела на тусклый светильник, висящий под потолком.

- Что думаешь? — тихо спросила Лира, сидя напротив.

- Думаю, что мы влипли, — так же тихо ответила Элора. — Но отступать некуда.

- Как и им, — Лира кивнула в сторону стены, за которой спали другие наездники. — Ты заметила? Они не ждут чуда. Они просто делают свою работу.

Элора кивнула. И в этом было что-то страшное и одновременно великое. Люди, которые потеряли надежду, но продолжали сражаться. Не за награды, не за славу, а просто потому, что за их спинами были те, кто не мог защитить себя сам.

- Кейден обещал прилететь, как только сможет, — сказала Элора. — Через неделю, может, через две.

- Дождёмся, — Лира усмехнулась, но усмешка вышла грустной. — Если доживём.

За окном завыл ветер, где-то далеко, за горами, пульсировала Стена. Элора закрыла глаза и попыталась настроиться на связь с Люцидором. Он спал, но чувствовал её тревогу и посылал успокаивающие импульсы.

Она улыбнулась в темноте и попыталась уснуть. Но сон не шёл. В голове крутились мысли о Кейдене, который остался в Академии с раненым Громовержцем. О Финне, который, возможно, уже здесь, в этих горах, или где-то совсем рядом. О правде, которую она должна найти, и о цене, которую придётся заплатить.

Война не спрашивает, готова ли ты. Она просто приходит. И у неё нет графика, нет правил, нет жалости. Элора знала это теперь лучше, чем кто-либо. И знала, что завтра, когда она впервые поднимется в небо над «Каменной Челюстью», всё может закончиться. Или только начаться.

Но она была готова. Или хотела верить, что готова. Потому что выбора у неё не было. Как и у всех, кто оказался здесь, на этой забытой богами и людьми заставе, где надежда умирала последней.

Глава 2

Первый патруль начался затемно.

Элора не спала почти всю ночь, ворочаясь на жёстких нарах, слушая, как ветер завывал в расщелинах скал, а где-то далеко, за горами, пульсировала Стена. Люцидор, чувствуя её тревогу, через связь посылал успокаивающие волны — ровные, тёплые, как дыхание. Но они не помогали. Мыслилезли в голову одна за другой: о Финне, который, возможно, уже здесь, в этих горах; о Кейдене, оставшемся в Академии с раненым Громовержцем; о том, что ждёт её сегодня, когда она снова поднимется в небо над «Каменной Челюстью».

Когда за тонкой стеной раздались голоса, она уже была на ногах.

Лира спала, свернувшись калачиком, её лицо во сне было незащитным, почти детским. Элора не стала её будить — время ещё было. Она накинула куртку, проверила кинжалы на поясе и выскользнула наружу.

Рассвет только занимался. Небо на востоке серело, постепенно наливаясь бледным, холодным светом. Скалы вокруг заставы казались чёрными, угольными. Воздух был тяжёлым, пропитанным запахом гари, пыли и металла. Где-то там, за горами, невидимая, но осязаемая каждой клеткой, пульсировала Стена.

Люцидор уже ждал её у стойла. Он поднял голову, когда она подошла, и ткнулся носом в её плечо. Через связь пришло чувство — не вопрос, не тревога, а простое присутствие. Он словно говорил: «Ты не одна. Я с тобой».

- Знаю, — прошептала она, обнимая его за шею. — Знаю.

Она принялась седлать его, работая быстро и привычно, как делала это сотни раз в Академии. Но здесь, в этом сыром, тёмном стойле, где пахло мочой, кровью и безнадёжностью, даже привычные движения казались чужими. Люцидор стоял смирно, но Элора чувствовала, как он напряжён, как его ноздри ловят запахи, которые он не мог понять, а магический фон, тяжёлый и чужой, давил на них обоих.

- Лора.

Она обернулась. В дверях стоял Кор — заместитель коменданта, которого Мораг поставила к ним на первый патруль. Он был невысоким, коренастым, с лицом, обветренным до такой степени, что кожа на скулах трескалась и шелушилась. Его мантикора, серая, с тёмными отметинами на боках, ждала снаружи. Звали её Ветра.

- Готова? — спросил он без лишних слов.

- Да.

Он кивнул и вышел. Элора закончила последние приготовления, повела Люцидора наружу. Лира уже была там, сидя в седле Ауры, её лицо было сосредоточенным, но спокойным. Они обменялись взглядами — и этого было достаточно.

Кор поднялся в воздух первым, его Ветра взмыла с места мощно, почти без разбега. Элора и Лира последовали за ним. Элора в последний раз оглянулась на заставу — маленькую, серую, вжатую в скалы. Каменная Челюсть. Место, где люди умирали, чтобы другие могли жить.

Она отвернулась и посмотрела вперёд, туда, где за горами ждала Стена. Ждала правда. Ждала война. И она была готова встретить её. Потому что отступать было некуда. Потому что за её спиной были те, кто не мог защитить себя сам. Потому что она — принцесса, наездница, воин. И она не сломается. Никогда.

Небо над «Каменной Челюстью» было не таким, как над Академией. Здесь оно казалось ниже, тяжелее, будто налитое свинцом. Ветер дул с гор, холодный, сухой. Скалы тянулись вниз бесконечной грядой, чёрные, обугленные, с редкими зелёными вкраплениями там, где вода всё же находила путь сквозь камень.

Кор вёл их на восток, вдоль ущелья, постепенно набирая высоту. Элора держалась чуть позади и справа, как учили, и старалась запоминать каждый поворот, каждую скалу, каждую расщелину, где могла спрятаться засада. Люцидор летел ровно, его крылья работали мощно, но Элора чувствовала, как он экономит силы — здесь, на границе, каждый взмах мог стать последним.

Они летели молча. Кор не объяснял маршрут, не давал команд — только изредка подавал сигналы рукой: снизиться, подняться, обогнуть скалу. Элора подчинялась, стараясь не думать о том, что её жизнь сейчас целиком зависит от этого незнакомого человека.

Через час они начали снижаться. Внизу, в узкой расщелине между скал, Элора увидела нечто, что заставило её сердце пропустить удар. Лагерь.

Не военный. Не укреплённый. Просто десяток палаток, натянутых между скальными выступами, несколько костров, дым от которых тянулся вверх тонкими, едва заметными струйками. Люди. Женщины, дети, несколько мужчин с усталыми, измождёнными лицами.

Кор приземлился на небольшой площадке в сотне метров от лагеря. Элора и Лира опустились рядом.

- Что это? — спросила Лира, не скрывая удивления. — Беженцы?

- Не совсем, — ответил Кор, спешиваясь. — Это те, кто живёт здесь. Уже давно.

Он повёл их к лагерю пешком, оставив мантикор на площадке. Люцидор проводил её тревожным взглядом, но остался. «Я рядом», — послала она ему, и он успокоился.

Люди в лагере не выказали страха, когда увидели их. Наоборот — несколько женщин подошли ближе, с любопытством разглядывая новеньких. Дети, грязные, худые, с огромными глазами на бледных лицах, жались к материнским юбкам, но не убегали. Один мальчик, лет семи, осмелел и подошёл к Элоре, протягивая руку к её кинжалу.

- Не трожь, — негромко сказал Кор, и мальчик отдернул руку, но не убежал. — Это наши, — кивнул он на Элору и Лиру. — Из Академии.

Женщины переглянулись, и одна из них, самая старая, с лицом, изрезанным морщинами, покачала головой.

- Молодые совсем. Им бы жить да жить, а их сюда...

- Сами выбрали, — коротко бросил Кор. Он повернулся к Элоре. — Здесь люди живут уже годами. Между нашими постами и землями виверн. Ни те, ни другие их не трогают. Серая зона.

Элора смотрела на детей, на женщин, на старика, который сидел у костра и чинил сеть. Они не выглядели напуганными. Не выглядели как люди, живущие на линии фронта. Они выглядели как те, кто научился выживать там, где другие гибли.

- Но как? — спросила Лира. — Почему виверны их не трогают?

Кор усмехнулся, и усмешка его была горькой.

- А зачем им их трогать? Они не воины. Не угроза. И иногда... иногда они меняют шкуры на хлеб. Или помогают раненых переправить.

Элора не сразу поняла, о чём он. А когда поняла, по спине пробежал холодок.

- Контрабанда, — сказала она. — Вы торгуете с вивернами.

Кор посмотрел на неё, и в его глазах не было ни стыда, ни оправдания. Только усталая правда.

- А ты как думала, девочка? Мы тут уже три года. Сначала оружие кончилось, потом еда. Нам присылали помощь раз в полгода, и половину разворовывали по дороге. А виверны... они тоже хотят есть. Им нужны лекарства, инструменты, ткани. Многим по ту сторону не нужна война. Так же, как и нам.

Он махнул рукой в сторону ущелья, где за скалами угадывалась Стена.

- Мы заключили перемирие. Негласное. Они не летают над нашими деревнями, мы не охотимся на их детёнышей. Обмениваемся товарами. Иногда... помогаем друг другу.

- А если узнают? — спросила Лира. — В Академии? В Совете?

- Узнают, — спокойно сказал Кор. — И тогда нас казнят за измену. Или отправят на передовую умирать. А пока... пока мы живы. И те, кто за нашими спинами, тоже живы.

Он помолчал, потом кивнул на ущелье.

- Пойдёмте. Я покажу вам границу. Настоящую.

Они снова взлетели, но теперь Кор вёл их не вдоль скал, а прямо к Стене.

Элора чувствовала её приближение за несколько километров. Магический гул, который в Академии был далёким, фоновым, здесь становился всё громче, всё навязчивее. Боль в висках, знакомая и ненавистная, вернулась с новой силой. Она стиснула зубы и постаралась не думать о ней. Люцидор через связь передал волну тревоги, но она успокоила его.

Стена возникла внезапно. Одна секунда — и впереди только скалы, туман, серое небо. Другая — и воздух перед ними начал дрожать, переливаться лиловыми, зелёными, чёрными цветами. Это не было «стеной» в привычном смысле. Это была полоса искажённой реальности, которая тянулась от земли до неба, пульсируя, дыша, живя своей, чужой жизнью.

Кор снизился и повёл их вдоль границы, на высоте не более двадцати метров. Элора видела, как магия Стены лижет камни, оставляя на них странные, светящиеся узоры. Воздух здесь был тяжёлым, почти осязаемым, и каждый вдох давался с трудом.

- Смотрите, — Кор указал рукой вперёд.

Элора проследила за его жестом и увидела внизу, в узкой расселине, там, где Стена давала слабину, двигались люди. Не солдаты. Не разведчики. Просто люди — с поклажей, с вычужными животными. Они шли с той стороны на эту, и никто их не останавливал.

- Контрабандисты, — сказал Кор. — Самые смелые. Или самые отчаянные. Возят туда-обратно всё, что можно продать. Иногда возвращаются. Иногда нет.

- А виверны? — спросила Лира. — Они не нападают?

- На этих? — Кор покачал головой. — Зачем? Контрабандисты везут товар. Товар нужен всем. На той стороне не дураки. Они понимают, что если перекрыть эту дорогу, завтра у них не будет лекарств. А через месяц — еды. Они воюют с нами, девочка. Но они не хотят умирать с голоду.

Элора смотрела на маленькие фигурки, пересекающие границу, и чувствовала, как её мир снова переворачивается. В Академии их учили, что Стена — это рубеж, который нельзя пересекать. Что виверны — чудовища, которые не знают пощады. Что война — это борьба добра со злом.

А здесь, в «Каменной Челюсти», не было ни добра, ни зла. Были люди, которые просто хотели выжить. И наездники на вивернах, которые хотели того же.

- Летим дальше, — скомандовал Кор. — Покажу вам, где обычно пролетают разведчики. И где лучше не появляться, если не хотите встретиться с теми, кто всё ещё верит в войну.

Они поднялись выше, и Кор повёл их вдоль скал, указывая на расселины, ущелья, пещеры. Здесь, по его словам, прятались отряды виверн, которые не признавали перемирия. Радикалы. Те, кто убивал без разбора — контрабандистов, мирных жителей, патрули.

- С ними мы воюем, — сказал Кор. — И они воюют с нами. По-настоящему. Без жалости. И их, и нас становится всё меньше. Но конца этому не видно.

Он замолчал, и они летели в тишине, нарушаемой только свистом ветра и далёким гулом Стены.

Возвращались они уже в сумерках. Небо на западе горело багровым, и на этом фоне скалы казались ещё более чёрными и зловещими. Элора летела замыкающей, вглядываясь в горизонт, где вот-вот должны были показаться сторожевые башни «Каменной Челюсти».

Всё, что она увидела сегодня, не укладывалось в голову. Контрабандисты, пересекающие Стену. Мирные жители, живущие в серой зоне. Перемирие, о котором не знают в Академии. И жители за Стеной, которые, оказывается, тоже хотят есть, лечить детей, торговать и жить.

- Кор, — окликнула она, когда они начали снижаться. — Почему вы нам всё это рассказали? Нас могли прислать из Академии проверить. Донести.

Кор обернулся. В свете заката его лицо казалось вырезанным из камня — жёсткое, усталое, но не злое.

- Потому что вы — дети, — сказал он. — Потому что вас прислали сюда умирать, даже не объяснив, зачем. Потому что кто-то должен рассказать вам правду, пока вы не стали такими же, как мы. — Он помолчал, потом добавил: — И ещё. Мне сказали, что вы — те, кто выжил в битве за Академию. Те, кто убил Хранителя Гнёзд. Если вы смогли это сделать, значит, вы не просто дети. Значит, вы можете изменить то, что мы изменить не в силах.

Он отвернулся и повёл их на посадку.

Ночью Элора не могла уснуть. Она лежала на нарах, глядя в потолок, и слушала, как дышит Лира на соседней койке, как где-то далеко воет ветер, как пульсирует Стена, отзываясь болью в висках. Перед глазами стояли люди из серой зоны — женщины, дети, старики. Контрабандисты, пересекающие границу. И слова Кора: «Потому что кто-то должен рассказать вам правду, пока вы не стали такими же, как мы».

Какими же, как они? Потерявшими надежду? Привыкшими к смерти? Или теми, кто понял, что война — это не борьба добра со злом, а бизнес, на котором наживаются другие?

Она вспомнила Финна. Его лицо в тот момент, когда их взгляды встретились во время битвы — спокойное, даже удовлетворённое. Он знал. Он всегда знал. И он работал на тех, кому война была выгодна. Тех, кто сидел далеко отсюда, в тёплых кабинетах, и получал прибыль с каждой смерти, с каждой разбитой семьи, с каждого разрушенного дома.

А она, принцесса Элеонора, дочь Верховного Канцлера, который, возможно, был одним из них, — она летала над серой зоной и смотрела, как люди меняют шкуры на хлеб.

Люцидор, чувствуя её тревогу, послал успокаивающую волну. Завтра будет новый день.

Но завтра могло не наступить. И она знала это. Знала, что каждый патруль может стать последним. Что враги не будут спрашивать, кто она и откуда. Что война не щадит никого.

Но она также знала теперь, что война — это не то, чему её учили. И что правда, которую она ищет, лежит не в документах, не в лабораториях Хельдана, а здесь — в серой зоне, где люди с обеих сторон, забыв о ненависти, просто пытаются выжить.

Она закрыла глаза и попыталась уснуть. Но сон не шёл. И долго ещё она лежала в темноте, слушая, как пульсирует Стена, и думая о том, что завтра она снова поднимется в небо. И, может быть, завтра она увидит то, что изменит всё.

Утром Мораг вызвала её к себе.

Кабинет коменданта был маленьким, тёмным, заваленным картами и рапортами. Сама Мораг сидела за столом, подперев голову рукой, и выглядела так, будто не спала всю ночь.

- Садись, — кивнула она на стул. — Кор рассказал, что показывал вам серую зону.

Элора села, стараясь не выдать волнения.

- Да, — сказала она. — Он рассказал правду.

- Правду, — повторила Мораг, и в её голосе прозвучала горечь. — Ты думаешь, это правда? Это только часть. Самая малая часть.

Она встала, подошла к карте на стене, ткнула пальцем в район, где располагалась «Каменная Челюсть».

- Здесь, — сказала она, — линия фронта размыта. Мы не воюем с вивернами. Мы выживаем. А те, кто сидит там, — она махнула рукой в сторону столицы, — они воюют. На бумаге. В отчётах. Они пишут о победах и поражениях, о героях и предателях. А мы здесь просто не хотим умирать.

Она повернулась к Элоре, и в её глазах, серых и острых, горел огонь, которого та не замечала раньше.

- Ты убила Хранителя Гнёзд. Ты знаешь, что это значит? Для тех, кто сидит там, — она снова указала на столицу, — ты герой. Для тех, кто здесь, — она кивнула в сторону плаца, — ты та, кто разрушил надежду на мир.

Элора почувствовала, как внутри всё оборвалось.

- Что?..

- Хранитель Гнёзд был тем, кто хотел остановить войну, — сказала Мораг. — Он пошёл на Академию, потому что ему сказали, что там готовится нападение на его народ. Его обманули. А ты... ты убила его.

Она замолчала, и тишина стала тяжёлой, давящей.

- Ты не виновата, — наконец сказала Мораг. — Ты защищалась. Но теперь ты знаешь. И теперь ты должна сделать выбор. Остаться здесь и воевать с теми, кто не хочет войны. Или пойти дальше и найти тех, кто эту войну разжигает.

Элора молчала. Слова Кора, слова Мораг, лица людей из серой зоны — всё смешалось в её голове, не складываясь в единую картину. Она знала только одно: она должна найти правду. Должна найти Финна. Должна понять, кто стоит за этой войной. И остановить их. Или умереть, пытаясь это сделать.

- Я сделаю выбор, — сказала она, поднимаясь. — Когда придет время.

Мораг кивнула.

- Тогда готовься. Завтра снова патруль. И будь осторожна. Те, кто не хочет мира, уже знают, что ты здесь.

Элора вышла из кабинета и направилась к стойлам, где её ждал Люцидор. Он поднял голову, когда она появилась, и ткнулся носом в её плечо. Она обняла его, прижалась лицом к его тёплой шее, и они стояли так долго, очень долго. Потому что больше никто не мог дать ей ту тишину, которая была нужна. Потому что только здесь, рядом с ним, она могла не думать о том, что ждёт впереди. О выборе, который она должна сделать. О войне, которая не заканчивается никогда.

Глава 3

Сны приходили к Элоре редко. Слишком многое в её жизни было явью, чтобы ночные видения могли добавить что-то новое. Но в ту ночь, после разговора с Мораг, сон всё же настиг её.

Она снова стояла на плацу Академии. Вокруг горели погребальные костры, и небо было багровым от дыма. Торбин лежал у стены, его серебристый Аргент прикрывал его своим телом, и оба были мертвы. Скай, окружённая вивернами, падала с неба, и её крик был таким же, как у Ноктюрн, метавшейся над ней. Вульф рубился у пролома, и с каждой секундой врагов становилось всё больше.

А в углу, у самой стены, где тени сгущались до черноты, стоял он. Финн. Его лицо было спокойным, почти безмятежным, а в руке тускло мерцал кристалл связи. Он не сражался. Не помогал. Он просто смотрел. Смотрел на битву, на умирающих, на Кейдена, рыдающего над телом Громовержца. И на его губах играла лёгкая, почти незаметная улыбка.

Их взгляды встретились. Элора рванулась к нему, но ноги не слушались, словно увязли в трясине. Она кричала, звала его, но голос не выходил из горла. А он смотрел на неё, и в его глазах не было ни страха, ни раскаяния. Только странное, застывшее удовлетворение.

- Ты искала правду, — сказал он, и голос его звучал отовсюду и ниоткуда. — Ты её нашла. И теперь тебе придётся с этим жить.

Он шагнул в тень и исчез.

Элора проснулась с криком.

Лира, спавшая на соседней койке, мгновенно села, её рука метнулась к мечу, но, увидев, что в казарме всё спокойно, опустила на подушку.

- Тебе опять снился Финн? — тихо спросила она.

Элора кивнула, вытирая пот со лба. В висках пульсировала боль — Стена, вечная спутница, давала о себе знать даже здесь, в глубине скалы.

- Почти каждую ночь, — призналась она. — Сначала я вижу битву. Потом его. Потом он говорит, что я нашла правду.

Лира помолчала, потом перебралась на её койку и обняла за плечи.

- Это просто сон, — сказала она, но в голосе её не было уверенности. — Он мёртв или сбежал. Но он больше не может тебе навредить.

- Он может, — возразила Элора. — Он знает всё, что знаю я. Он знает про лабораторию, про документы, про... Если он доберётся до тех, кто за всем стоит, раньше нас...

- Не доберётся, — отрезала Лира. — Мы найдём его первыми.

Они замолчали. В тишине было слышно, как где-то далеко, за стенами казармы, воеет ветер, как пульсирует Стена, отзываясь болью в висках. Элора смотрела в потолок и думала о том, что Финн мог быть уже здесь. В этом секторе. Возможно, даже на этой заставе. Или в горах. Или по ту сторону Стены.

Она вспомнила его лицо в тот момент, когда их взгляды встретились во время битвы. Спокойное, почти безмятежное. И тень улыбки на губах. Он не был напуган. Не был удивлён.

Теперь она знала: он мог скрыться только в одном месте. Там, где война была не просто линией фронта, а серой зоной, где стирались границы между своими и чужими. Там, где контрабандисты пересекали Стену, а виверны пропускали патрули, если те не проявляли агрессию. В серой зоне, где можно было затеряться, раствориться, стать никем.

Он был здесь. Она чувствовала это. Или хотела верить, что чувствует.

Утром Элору вызвал дежурный.

- Вам письмо, — сказал он, протягивая небольшой, запечатанный сургучом свиток. — Доставили с рассветом. Сказали, лично в руки.

Элора взяла свиток, и сердце её пропустило удар. На сургуче не было печати. Только едва заметная царапина, похожая на букву «К». Она развернула пергамент дрожащими пальцами.

«Лора.

Громовержец идёт на поправку. Через несколько дней вылетаю. Держись.

Вот имена тех, кому можно доверять на заставе:

Кор. Заместитель коменданта. Знает всё, что происходит в секторе. Если нужно будет перейти Стену — он поможет. Но не спрашивай, откуда он это умеет.

Мириам. Лекарь. Старожил. Знает историю этого места лучше, чем кто-либо. Если тебе нужна правда о прошлом — иди к ней.

Янтарный. Контрабандист. Не наездник, но знает каждый проход через Стену. Будь осторожна с ним — он продаёт информацию всем, кто платит. Но пока ты платишь первой — он твой.

Береги себя.

Кейден».

Элора перечитала письмо трижды, потом свернула и спрятала за пазуху. Три имени. Три человека, которым можно доверять. Или хотя бы попытаться.

Она нашла Лиру на плацу, где та чистила снаряжение вместе с другими кадетами.

- У нас есть работа, — тихо сказала Элора, присаживаясь рядом. — Кейден прислал имена. Нужно поговорить с тремя людьми.

Лира отложила щётку, её глаза блеснули.

- Начинаем сегодня?

- Сегодня. Сначала поговорю с Кором. Он уже знает нас, и он впустил нас в серую зону. Значит, доверяет хотя бы отчасти.

Они обсудили план и разошлись. Элора нашла Кора у питомников, где тот проверял упряжь своей Ветры. Он поднял голову, когда она подошла, и в его глазах мелькнуло что-то вроде понимания.

- Вопросы есть? — спросил он без предисловий.

- Есть, — ответила Элора. — Вы знали Тегана? Брата Кейдена?

Кор замер. Его лицо, обычно непроницаемое, на мгновение исказилось болью, но он быстро взял себя в руки.

- Знал, — сказал он. — Хороший был наездник. Лучший в этом секторе. Пока его не убили.

- Его убили не виверны, — сказала Элора, и это был риск, но она решила, что сейчас не время для полуправды. — Его убили свои. Потому что он узнал правду об экспериментах. О Хельдане. О том, что происходит в лабораториях.

Кор смотрел на неё долго, очень долго. Потом медленно кивнул.

- Я знаю, — сказал он. — Я был с ним в тот день. Видел, что на самом деле произошло. Но мне приказали молчать. Сказали, что если я скажу хоть слово, меня объявят предателем и казнят. А у меня... — он замолчал, и в его голосе впервые прозвучала усталость. — У меня была семья. Дети. Я не мог рисковать.

- А теперь? — спросила Элора. — Теперь можете?

Кор посмотрел на неё, и в его глазах, серых и усталых, загорелся тот самый огонь, который она видела у Мораг.

- Дети выросли, — сказал он. — Жена умерла три года назад. От лихорадки, потому что лекарства, которые нам обещали, так и не доставили. А те, кто их вёз, продали всё контрабандистам и исчезли. — Он помолчал. — Теперь я могу всё. Спрашивай.

- Финн, — сказала Элора. — Писец из Академии. Предатель. Он мог скрыться в этом секторе. Вы знаете что-нибудь о нём?

Кор нахмурился.

- Финн... имя знакомое. Несколько недель назад в серой зоне появился человек. Молодой, вертлявый, с острым лицом. Говорил, что беженец из столицы. Прибился к контрабандистам, помогал им с бумагами, с пересчётом товара. Умный был, шустрый. Янтарный его приютил.

Элора почувствовала, как внутри всё оборвалось. Финн здесь. Был здесь. Возможно, ещё здесь.

- Где его найти? — спросила она. — Янтарного?

Кор покачал головой.

- Янтарный не сидит на месте. Он постоянно в движении. Но я могу передать ему весть. Скажу, что есть покупатель. Он выйдет на связь. А ты... ты будь готова. Янтарный не дурак. Он быстро поймёт, что ты не просто покупатель.

- Я готова, — сказала Элора. — Спасибо.

Она развернулась, чтобы уйти, но Кор окликнул её:

- Лора. Будь осторожна. Янтарный — он как та самая серая зона. Никогда не знаешь, на чьей он стороне. И помни: если Финн действительно здесь, он не один. У него есть те, кто его прячет. И они не остановятся ни перед чем, чтобы защитить его.

Вторым именем в списке была Мириам.

Элора нашла её в лазарете — небольшом, тесном помещении, где пахло травами. Мириам оказалась старой, с морщинистым лицом и руками, которые дрожали, когда она перебирала склянки, но были твёрдыми, когда она накладывала швы.

- Ты новенькая, — сказала она, не оборачиваясь. — Из Академии. Это ты убила Хранителя?

- Да, — ответила Элора, не видя смысла отрицать.

- Зачем пришла?

- Хочу знать правду. О войне. О том, что здесь происходило. О том, почему люди, которые должны быть врагами, торгуют друг с другом.

Мириам усмехнулась, и усмешка её была горькой.

- Правду, говоришь. А ты готова её услышать? Настоящую? Не ту, которой кормят в Академии, а ту, от которой хочется выть?

- Готова.

Старуха отложила склянку, вытерла руки о грязный фартук и села на табурет, указывая Элоре на другую.

- Садись. Расскажу.

Она начала издавна — с того времени, когда «Каменная Челюсть» была не заставой, а полноценной крепостью. Когда здесь стояло пять сотен наездников, а виверны не решались приближаться к Стене. Когда война была понятной, а враг — узнаваемым.

- А потом пришёл приказ, — сказала Мириам. — Отступить. Сдать позиции. Оставить сектор. Мы думали, это стратегия. Оказалось — сделка. Кто-то наверху продал этот сектор наездникам на вивернах. За что — не знаю. За золото, за магию, за что-то ещё. Но мы стали не нужны.

Она замолчала, и в тишине было слышно, как где-то капает вода, как стонет раненый солдат в соседней комнате.

- Нас бросили, — продолжила она. — Без подкрепления, без припасов, без надежды. Те, кто мог, улетели. Остались только те, кому некуда было идти. Или те, кто не хотел бросать свой пост. А виверны... они не стали нас добивать. Они просто ждали. И мы ждали. И так тянулось годами.

- А потом, — она посмотрела на Элору, и в её глазах загорелся странный, почти безумный огонь, — потом мы поняли, что война — это ложь. Что виверны не враги. Что настоящие враги — там, в столице. Те, кто продаёт нас, как скот, и наживается на крови. Мы поняли это, когда наши дети начали умирать от голода, а враги приносили им еду. Когда наши раненые не могли

летать, а противники помогали им добраться до лекарей. Тогда мы поняли, что по ту сторону Стены живут такие же люди, как мы.

Элора слушала, и каждое слово отдавалось в груди глухой, ноющей болью. Всё, во что она верила, всё, чему её учили, рушилось. Не было героев и злодеев. Были только жертвы и те, кто на них наживался.

- Финн, — сказала она, когда Мириам замолчала. — Вы знаете Финна?

Старуха нахмурилась.

- Финн... слышала это имя. Несколько недель назад в серой зоне появился молодой человек. Говорил, что беженец из столицы. Искал работу, прибил к контрабандистам. Умный был, шустрый. Но что-то в нём было... не так. Слишком много вопросов задавал. Слишком интересовался нашими делами. Янтарный его приютил, а я не одобряла. Чувствовала — не наш он.

- Он предатель, — сказала Элора. — Он работал на тех, кто разжигает войну. Я должна его найти.

Мириам посмотрела на неё, и в её глазах не было удивления.

- Ищи, — сказала она. — Но помни: в серой зоне каждый сам за себя. И если ты найдёшь его, ты найдёшь и тех, кто его прячет. А они не будут этим рады.

Янтарный объявился через три дня.

Элора сидела в казарме, разбирая снаряжение, когда в дверях появился Кор. Он был в обычной, потрёпанной форме, и выглядел так, будто только что вернулся из дальнего перелёта.

- Он ждёт, — сказал Кор. — На старом контрабандном пути, у южного входа в ущелье. Я провожу, но дальше ты пойдёшь одна.

Элора кивнула и поднялась. Лира хотела пойти с ней, но она остановила её:

- Если я не вернусь через два часа, поднимай тревогу. Но не раньше.

Лира сжала её руку, но спорить не стала.

Они вышли за пределы заставы, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая скалы в багровый цвет. Кор вёл её узкой, едва заметной тропой, которая вилась между камнями, то поднимаясь, то опускаясь в расселины. Воздух был тяжёлым, пропитанным запахом гари и магии Стены, которая пульсировала где-то совсем рядом.

- Он здесь, — сказал Кор, останавливаясь у большого валуна, нависающего над пропастью. — Дальше я не пойду.

Элора посмотрела вниз. В расселине, куда не проникал свет, горел костёр. Возле него сидел человек. Один.

Она спустилась, осторожно ступая по скользким камням. Человек не обернулся, но она знала — он слышит её. Он слышал всё, что происходило вокруг.

- Ты новенькая, — сказал он, когда она подошла ближе. Голос был низким, чуть хриплым, с лёгкой насмешкой. — Из Академии.

- Да, — ответила Элора, садясь напротив, на другой камень. — А ты Янтарный.

Он поднял голову, и она увидела его лицо. Молодое, лет тридцати, с острыми, хищными чертами и глазами, которые, казалось, видели всё и не верили ничему. Контрабандист. Тот, кто продаёт информацию всем, кто платит.

- Что ты хочешь? — спросил он.

- Финна, — ответила Элора. — Ты знаешь, где он.

Янтарный усмехнулся.

- Знаю. Но информация стоит денег. Или чего-то другого, что я захочу.

- Чего же ты хочешь?

Он посмотрел на неё, и в его глазах загорелся холодный, расчётливый огонь.

- Я хочу знать, что ты будешь делать, когда найдёшь его. Убьёшь? Приведёшь в Академию? Сдашь своим?

- Я хочу знать правду, — сказала Элора. — И хочу, чтобы он ответил за то, что сделал. Янтарный молчал долго, очень долго. Потом кивнул.

- Он был здесь. Неделю назад. Искал путь за Стену. Говорил, что у него есть важная информация для скальдов.

- Скальдов? — смутилась Элора.

- Те, кто живёт по ту сторону, называют себя так. Финн сказал, что он может остановить войну. — Янтарный помолчал. — Я ему не поверил. Слишком много вопросов он задавал. Слишком интересовался нашими делами. Я сказал ему, что помогу. А сам проследил. Он ушёл на север, к перевалу «Мёртвый Зуб». Там, говорят, есть проход через Стену. Нестабильный, опасный. Но если кто и сможет пройти, то только безумец. Или тот, кому очень нужно.

- Он прошёл? — спросила Элора.

- Не знаю. Я не пошёл за ним. Там даже для меня слишком опасно.

Он встал, потушил костёр.

- Это всё, что я знаю. Теперь ты должна мне.

- Чего ты хочешь? — спросила Элора.

Янтарный посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на уважение.

- Когда ты найдёшь правду, ты расскажешь её всем. Не только своим. Всем, кто здесь живёт. Кто ждёт, когда война закончится. Это моя плата.

Он развернулся и исчез в темноте.

Элора осталась одна. Ветер выл в расщелинах, где-то далеко пульсировала Стена. Она смотрела на север, туда, где, по словам Янтарного, скрылся Финн. Туда, где начиналась земля виверн.

Она знала, что должна идти. Что правда — там. Что Кейден, который обещал прилететь со дня на день, может не успеть. Что если она промедлит, Финн исчезнет навсегда, а вместе с ним — последняя надежда раскрыть заговор.

Она поднялась, отряхнула пыль с куртки и пошла обратно, к заставе. В голове уже рождался план. Безумный, опасный, но единственно возможный. Она перейдёт Стену. Найдёт Финна. Узнает правду. Или умрёт, пытаясь.

Люцидор, чувствуя её решимость через связь, послал волну готовности сопровождать её даже на край света.

Она улыбнулась в темноте. Впервые за много дней.

- Знаю, — прошептала она. — Знаю.

Глава 4

Решение пришлось отложить. Не потому, что Элора передумала или испугалась, а потому что Кор, выслушав её планы, посмотрел на неё с выражением, которое она не могла прочесть — то ли жалость, то ли усталая мудрость человека, видевшего слишком много самоуверенных юнцов, которые думали, что война подчиняется их правилам.

- Ты хочешь идти за ним, — сказал он, когда они остались вдвоём у питомников. — За Финном. Перейти Стену. Найти его в землях скальдов.

- Да, — ответила Элора, не видя смысла скрывать. — Янтарный сказал, что он ушёл к перевалу «Мёртвый Зуб». Если я вылечу сейчас...

- Ты опоздала, — перебил Кор. — Финн ушёл больше недели назад. Если он не погиб при переходе, он уже на той стороне. А ты даже не знаешь, куда идти, как искать, с кем говорить. Ты погибнешь в первый же день. Или, что хуже, попадёшь в руки тех, кто даже вопросов задавать не будет.

Он говорил спокойно, без жестокости, но каждое его слово било наотмашь. Элора знала, что он прав. Она не была готова. Не знала языка, не знала обычаев, не знала, кто из скальдов друг, а кто враг. У неё не было даже карты.

- Я должна его найти, — упрямо сказала она. — Он знает всё. Про лабораторию, про заговор. Если он доберётся до тех, кто за всем стоит...

- Он уже добрался, — Кор покачал головой. — Или не добрался. Мы не знаем. Но одно я знаю точно: если ты покинешь заставу без приказа, это будет дезертирство. Даже здесь, где правила давно стали гибкими, военный трибунал никто не отменял. Тебя объявят предательницей, и тогда искать будут уже не Финна, а тебя.

Элора молчала. Она знала, что он прав, и это бесило больше всего.

- Подожди, — сказал Кор, и в его голосе впервые прозвучала нотка участия. — Кейден скоро будет здесь. У него есть связи по ту сторону. Вместе вы сможете больше, чем ты одна. А пока... пока ты нужна здесь. Патрули, охрана, помощь раненым. Это не героические подвиги, но это тоже война. И от этого тоже зависят чужие жизни.

Она хотела возразить, но он поднял руку:

- И ещё. Заметил я странную вещь. Нападения виверн на гарнизон прекратились в тот день, когда вы с Лирой здесь появились. Ни одного вылета за пределы серой зоны. Ни одной атаки. Как будто они чего-то ждут. Или кого-то.

Элора нахмурилась.

- Ты думаешь, это связано с нами?

- Не знаю, — честно ответил Кор. — Но в войне нет совпадений. И если враг затих, значит, он готовится. Или ждёт приказа. А пока мы не знаем, что это значит, ты должна быть здесь.

Жизнь на заставе потекла своим чередом. Почти ежедневные патрули, в которых Элору и Лиру неизменно сопровождал кто-то из старших офицеров. Кор, Мораг, иногда другие, чьих имён Элора даже не запоминала. Они летали над серой зоной, проверяли контрабандные тропы, следили за движением скальдов. Но те не появлялись. Ни разведчиков, ни охотников, ни отрядов радикалов. Тишина, которая была страшнее любой битвы.

Элора училась. Училась летать в незнакомом небе, где ветер дул не так, как над Академией, а скалы таили сотни смертельных ловушек. Училась определять, где кончается серая зона и начинаются земли скальдов, по едва заметным изменениям в магическом фоне, по тому, как напрягался Люцидор, чувствуя чужую, враждебную энергию. Училась смотреть на войну не глазами кадета, а глазами тех, кто живёт здесь годами.

Ли́ра держалась рядом, как всегда надёжная, спокойная, готовая прикрыть спину. Но и она чувствовала эту странную тишину, эту неопределённость, которая давила хуже любой угрозы.

- Они что-то задумали, — сказала она однажды, когда они возвращались с патруля. — Скальды. Они не могли просто так исчезнуть.

- Кор говорит, что они затихли в тот день, когда мы прилетели, — ответила Элора.

- Значит, мы им зачем-то нужны, — Ли́ра усмехнулась, но усмешка вышла тревожной.

Знакомство с отшельником произошло случайно. Элора и Ли́ра возвращались с патруля, когда Люцидор, летевший замыкающим, вдруг дёрнулся, заложил резкий вираж и начал снижаться. Через связь пришло любопытство. И удивление.

- Что там? — крикнула Ли́ра, но Элора уже уводила Люцидора вниз, туда, где в расщелине между скалами виднелась крошечная зелёная точка — оазис среди чёрного, обугленного камня.

Они приземлились на небольшой площадке перед пещерой, вход в которую был завешен шкурами. Откуда-то изнутри тянуло дымом, травами и... едой. Горячей едой. Элора не сразу поняла, что это запах, от которого у неё заурчало в животе, но когда поняла, почувствовала, как к горлу подступает комок. Горячая еда. Настоящая, а не сухой паёк, которым их кормили на заставе.

- Заходите, не стесняйтесь, — раздался из пещеры голос. Старый, хриплый, но добрый.

Они переглянулись. Люцидор и Аура остались снаружи, а Элора и Ли́ра шагнули внутрь.

Пещера оказалась больше, чем казалась снаружи. В глубине горел очаг, над которым висел котёл с чем-то, от чего исходил тот самый умопомрачительный запах. У огня сидел старик — седой, с длинной бородой и руками, покрытыми шрамами. Он не обернулся, когда они вошли, только махнул рукой в сторону деревянных чурбаков, заменявших стулья.

- Садитесь. Еда поспеет через минуту.

- Вы знаете, кто мы? — спросила Ли́ра, не двигаясь с места.

- Знаю, — старик усмехнулся. — Вы — новенькие. Из Академии. Садитесь, говорю. Я не кусаюсь.

Они подчинились. Старик разлил похлёбку по глиняным мискам и подал им. Элора взяла, попробовала, и на мгновение у неё защемило глаза. Она не плакала после битвы за Академию. Ни разу. Но сейчас, здесь, в этой пещере, где пахло домом, которого у неё никогда не было, слёзы подступили сами.

- Мириам говорила, что есть тут один отшельник, — сказала Ли́ра, чтобы нарушить тишину. — Лечит и людей, и виверн. Это вы?

- Я, — кивнул старик. — Звать меня Лавр. Раньше был лекарем в гарнизоне, потом... — он махнул рукой, — потом понял, что нет разницы, кого лечить. Боль у всех одинаковая.

- И виверн? — спросила Элора, удивлённая.

- И их, — Лавр пожал плечами. — Они такие же, как мы. Кровь, кости, боль. И дети у них тоже болеют. И старики умирают. И война им так же не нужна, как и нам.

Он помолчал, помешивая похлёбку.

- Вы думаете, война — это про героев и злодеев? Про добро и зло? Нет. Война — это бизнес для немногих. А простые люди по обе стороны хотят одного — покоя. Чтобы дети не умирали от голода. Чтобы старики доживали свой век в тепле. Чтобы не надо было каждую ночь бояться, что прилетят и сожгут твой дом.

- Почему же она не кончается? — спросила Ли́ра. — Если никто не хочет воевать?

Лавр посмотрел на неё, и в его глазах, выцветших от времени, мелькнула грусть.

- Потому что есть те, кому война выгодна. Они сидят там, — он махнул рукой в сторону столицы, — и получают золото, власть, магию. Им нужна вечная война. А мы... мы просто пешки.

Элора слушала, и каждое слово отдавалось в груди глухой, ноющей болью. Она вспомнила отца, его усталое лицо, его слова о том, что она должна стать его глазами и ушами в Академии. Знал ли он? Был ли он одним из тех, кому война выгодна? Или такой же пешкой, как и все?

- Вы знали Тегана? — спросила она. — Брата Кейдена?

Лавр замер, его рука с ложкой застыла на полпути ко рту.

- Знал, — сказал он. — Хороший был наездник. Лучший в этом секторе. Пока его не убили.

- Его убили не скальды? — спросила Элора.

Старик медленно отложил ложку. Он смотрел на неё долго, очень долго, и в его глазах, усталых и мудрых, загорелся странный огонь.

- Ты знаешь про лабораторию? — спросил он.

- Да.

Лавр кивнул, и в его лице что-то изменилось. Он стал вдруг старше, тяжелее, будто воспоминания навалились на него всей своей тяжестью.

- Я был там, — сказал он. — Давно. Когда этот сектор ещё был передовой. Мы нашли старый форт, в горах. Думали, что там склад, оставшийся с прошлой войны. А нашли... — он замолчал, и Элора увидела, как дрожат его руки. — Нашли то, что не должны были видеть. Капсулы. Люди. Мантикоры. И виверны. Все они были... изменены. Магия, которая должна была делать их сильнее, превращала их в... не знаю, как сказать. В оболочки. Живые, но пустые.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

Мы хотели сообщить в Академию. В столицу. Но... наш отряд уничтожили. Тегана убили. Меня... меня посчитали мёртвым. Я очнулся в овраге, среди тел. И понял, что если вернусь, меня тоже убьют. Или сделают вид, что я предатель. Так я и остался здесь. Лечу тех, кому могу помочь. И жду.

- Чего? — спросила Элора.

- Правды, — просто ответил Лавр. — Или того, кто сможет её рассказать.

Руины старого форта Лавр показал им на следующий день. Это была разрушенная крепость, вжавшаяся в скалы так глубоко, что даже с воздуха её можно было принять за часть горного хребта. Стены, когда-то мощные, теперь осыпались, внутренние дворы заросли колючим кустарником, а в воздухе стоял тот самый тяжёлый, металлический запах, который Элора чувствовала в лаборатории Хельдана.

- Здесь всё началось, — сказал Лавр, когда они спешили. — И здесь, возможно, всё закончится.

Он повёл их вглубь, через проломы в стенах, через тёмные, сырые коридоры, где на камнях ещё виднелись следы копоти от факелов. Элора шла, чувствуя, как её тело отзывается на магический фон — боль в висках, тошнота, дрожь в руках. Люцидор, оставшийся снаружи, посылал тревожные импульсы, но она успокаивала его.

Лавр привёл их в подвал. Здесь, в полумраке, стояли старые, разбитые капсулы — точно такие же, какие Элора видела в лаборатории под Академией. Только здесь они были пусты. Или почти пусты. В одной из них, в мутной, зелёной жидкости, плавало что-то, что когда-то было человеком. Элора отвернулась.

- Здесь проводили опыты, — сказал Лавр. — А потом, когда стало слишком опасно, перенесли всё в другое место. Под Академию. Или ещё куда. Но документы... документы они не успели вывезти.

Он указал на угол, где в железном сундуке лежали стопки пожелтевших бумаг. Элора опустилась на колени и начала перебирать их. Отчёты об экспериментах, имена подопытных, схемы капсул, дневники учёных. И среди всего этого — имя, которое заставило её сердце пропустить удар.

Финн.

Она схватила лист, пробежала глазами. Это был отчёт о передаче информации — кому, когда, что именно. Финн был не просто курьером. Он был связным. Тем, кто передавал данные о передвижении патрулей, о слабых местах в обороне, о том, где и когда можно нанести удар, чтобы посеять хаос и панику.

- Он работал на них, — прошептала Элора. — На тех, кто проводил эти опыты. Всё это время.

- Там есть ещё, — сказал Лавр, указывая на другой лист. — Прочитай.

Она взяла следующий документ. Это было письмо, адресованное кому-то, чьё имя было вымарано, но подпись внизу была чёткой, почти каллиграфической: «Хранителю Гнёзд».

«Мы готовы. Академия будет атакована в назначенный срок. Удар должен быть быстрым и жестоким, чтобы никто не успел организовать оборону. Мы обеспечим отвод патрулей и ослабление магического щита. После того, как Академия падёт, война перейдёт в новую фазу. Протекторат будет вынужден пойти на уступки. Или уничтожить вас всех. Нам выгоден любой исход».

Элора дочитала и опустила руки. Всё встало на свои места. Атака на Академию была не просто военной операцией. Это была провокация. Спровоцированная теми, кому была выгодна война. Те, кто стоял за Хельданом, за экспериментами, за Финном, — они подставили и Протекторат, и скальдов. Они хотели, чтобы обе стороны уничтожили друг друга. И почти добились этого.

- Что это? — спросила Лира, заглядывая ей через плечо.

- План, который был составлен очень давно, — ответила Элора. — План уничтожения Академии, который в своё время не был осуществлён.

- И Финн... — Лира не договорила.

- Финн был частью этого плана. Всегда. Он направлял меня, давал информацию, но только ту, которую нужно было дать. Он знал всё. И теперь он ушёл сюда, — она указала на другой документ, где было написано: «Объект «Врата» — координаты, описание, статус: действующий».

- Что это? — спросила она Лавра.

Старик подошёл, взял лист, прочитал. Его лицо стало серым.

- Это то, что мы искали. Главная лаборатория. Там, где всё началось. Там, где, возможно, всё ещё продолжается.

- Где это? — спросила Элора.

- В землях скальдов, — ответил Лавр. — За перевалом «Мёртвый Зуб».

Там, куда ушёл Финн.

Обратно на заставу они летели молча. Элора держала документы за пазухой, чувствуя, как каждый лист жжёт кожу. Теперь у неё было не просто подозрение, не просто знание. У неё были доказательства. Доказательства того, что война — это бизнес. Что её друзья погибли из-за тех, кто хотел нажиться на крови. Что Финн был не просто предателем, а частью огромной, страшной машины, которая перемалывала жизни, чтобы набить карманы тех, кто сидел в столице.

Она знала, что должна идти. Что должна найти Финна, найти «Врата», найти правду. Но Кор был прав: она не была готова. Не одна. Ей нужен был Кейден. Его связи, его знание скальдов, его умение выживать там, где другие гибли.

Она ждала. Каждый день, каждый патруль, каждый закат она смотрела на север, туда, где за горами, за Стеной, было то, что она должна была найти. И ждала. Ждала вестей от Кейдена. Ждала момента, когда сможет сделать следующий шаг. А пока... пока она училась. Училась у Кора, у Мириам, у Лавра. Училась у тех, кто жил здесь годами, кто знал войну не по учебникам, а по шрамам на теле и душе.

И ждала. Потому что теперь она знала: правда не убежит. Она там, за Стеной. И когда придёт время, Элора пойдёт за ней. Одна или с теми, кому доверяет. Но она пойдёт. И она найдёт то, что ищет. Или умрёт, пытаясь это сделать.

Глава 5

Патруль в тот день начался как обычно. Кор поднял их затемно, когда небо на востоке только начинало сереть, а скалы вокруг заставы казались чёрными, обугленными зубьями, вонзившимися в низкое, тяжёлое небо. Ветра, его серая мантикора с тёмными отметинами на боках, нетерпеливо перебирала лапами, чувствуя настроение хозяина. Люцидор и Аура стояли рядом, готовые ко взлёту.

- Маршрут сегодня дальше обычного, — сказал Кор, когда они поднялись в воздух. — Будем проверять северные тропы, ближе к перевалу «Мёртвый Зуб». Последние дни там замечали движение.

- Скальды? — спросила Лира.

- Не знаю, — ответил Кор. — Может, они. Может, кто-то ещё.

Элора бросила взгляд на север, туда, где за грядями чёрных скал скрывался перевал. Туда, куда, по словам Янтарного, ушёл Финн. Туда, где, по документам из старого форта, находились «Врата» — главная лаборатория заговорщиков. Её пальцы невольно сжались в перчатках, и Люцидор, чувствуя её напряжение, послал короткий, успокаивающий импульс.

«Скоро, — подумала она. — Скоро я пойду туда. Но не сегодня».

Они летели молча, огибая скалы, ныряя в узкие расщелины, поднимаясь над гребнями, чтобы осмотреть местность. Кор вёл их уверенно, как человек, знавший эти места лучше, чем собственную казарму. Элора старалась запоминать каждый поворот, каждую расселину, каждую пещеру, где могла укрыться засада. Но сегодня всё было тихо. Подозрительно тихо.

- Слишком спокойно, — сказал Кор, когда они приземлились на небольшой площадке у подножия перевала. — Не нравится мне это.

Он спешился, жестом велел им оставаться на месте, а сам подошёл к краю обрыва и долго вглядывался в долину внизу. Элора и Лира переглянулись, но спорить не стали. За те недели, что они провели на заставе, они успели убедиться: Кор редко ошибался.

- Вон там, — вдруг сказал он, указывая рукой вниз. — Видите?

Элора подошла к краю и посмотрела туда, куда он указывал. Внизу, в узкой долине, где скалы расступались, образуя нечто вроде прохода, двигались несколько фигур. Не скальды — люди. В форме Протектората. Их было около десятка, вооружённых арбалетами и короткими мечами. Они двигались быстро, слаженно, как отряд, прошедший не одну вылазку.

- Наши? — удивилась Лира. — Что они здесь делают? Это же серая зона, здесь не должно быть военных.

- Не должно, — мрачно сказал Кор. — Но есть те, кому плевать на правила. Смотрите дальше.

Он снова указал вниз, и теперь Элора увидела то, чего не заметила сначала. На противоположной стороне долины, у самого края Стены, там, где лиловые сполохи магии лизали камни, замерли скальды. Их было меньше — четверо или пятеро, на вивернах, сгорбившихся, прижавшихся к земле. Они не атаковали. Они ждали.

- Это засада, — прошептала Элора. — Они знали, что те придут.

- И те знали, что они будут здесь, — кивнул Кор. — Кто-то слил информацию обеим сторонам. И сейчас мы увидим, что из этого выйдет.

- Мы должны им помочь! — воскликнула Лира, делая шаг к Ауре.

- Стоять! — голос Кора был резким, как удар хлыста. — Ты что, не понимаешь? Если мы вмешаемся, нас убьют обе стороны. А потом скажут, что мы напали первыми. И война, которую мы с таким трудом сдерживаем, вспыхнет с новой силой.

- Но они же наши! — Лира указала на отряд внизу.

- Они — убийцы, — отрезал Кор. — Они пришли сюда не защищать границу. Они пришли убивать. И те, кто их послал, знали, что здесь будут скальды. Это провокация. И мы не дадим им втянуть нас в неё.

Он говорил жёстко, без тени сомнения, и в его голосе звучала такая усталая, выстраданная мудрость, что Лира опустила руку. Элора смотрела вниз, чувствуя, как внутри всё сжимается от бессилия. Они были здесь, наверху, в безопасности. А там, внизу, люди убивали людей. И она ничего не могла сделать.

Бойня началась внезапно. Одна из виверн, та, что сидела ближе всех к Стене, вдруг взревела и рванула вперёд. За ней — остальные. Отряд внизу встретил их залпом арбалетов. Две виверны рухнули, прошитые болтами, их наездники упали на камни, даже не успев вскрикнуть. Но остальные были уже рядом. Когти, зубы, Чарующая Песнь — всё смешалось в единый, страшный клубок.

Элора смотрела, затаив дыхание. Она видела, как один из солдат, высокий, светловолосый, отбивался от виверны, целясь ей в глаз, но промахнулся, и тварь вцепилась ему в плечо, отрывая руку вместе с куском доспеха. Кровь брызнула фонтаном, и солдат упал, даже не закричав — просто рухнул на землю, как подкошенный.

Рядом другой, коренастый, с бритой головой, успел выстрелить в упор, и виверна, взвизгнув, рухнула, увлекая его за собой. Они покатались по камням, и Элора не могла понять, кто из них жив, кто мёртв, кто победил в этой схватке.

- Не смотри, — сказал Кор, но она не могла отвести взгляд.

Скальды бились отчаянно, их было меньше, но они были на своей земле. Они знали каждую расселину, каждый выступ, каждую тропу. Они заманивали солдат в ловушки, отступали, чтобы ударить снова, и каждый их удар был точным, смертоносным. Но и солдаты не сдавались. Они были обучены, вооружены, и в них кипела ярость. Ярость людей, которые считали, что защищают свою землю от чудищ.

Элора видела, как один из скальдов, молодой парень с длинными тёмными волосами, попытлся взлететь, но арбалетный болт попал ему в спину, и он рухнул с виверны, разбиваясь о камни. Виверна, оставшись без наездника, взревела, заметалась и через мгновение тоже упала, пронзённая десятком болтов.

А потом всё кончилось. Так же внезапно, как началось.

Скальдов не осталось. Те, кто выжил, ушли в Стену, растворившись в лиловом мареве. Солдаты... их тоже было мало. Четверо, кажется, всё ещё стояли на ногах. Остальные лежали на камнях, среди тел виверн, среди луж чёрной и красной крови.

- Идём, — сказал Кор, поднимаясь в седло. — Надо вернуться, пока они нас не заметили.

- А они? — спросила Лира, глядя вниз, на окровавленную долину. — Что с ними будет?

- Что будет? — Кор усмехнулся, но усмешка его была горькой. — Они вернутся в свой лагерь, напишут отчёт о героической победе над врагом. Получат награды. А мы... мы будем знать правду. И молчать.

Он подал знак, и они взлетели, оставляя за спиной долину, где в тишине, нарушаемой лишь криками стервятников, лежали мёртвые. Элора летела, сжимая поводья так, что костяшки побелели, и думала о том, что только что видела. Враги были не только по ту сторону Стены. Они были здесь. В форме Протектората. С арбалетами и мечами. И они убивали не потому, что защищали свою землю, а потому, что им приказали. Или потому, что верили, что так нужно. Или потому, что война была их работой.

Она не знала, что из этого было хуже.

Возвращение было тяжёлым. Кор не сказал ни слова, только кивнул, когда они приземлились, и ушёл в сторону казармы, не оглядываясь. Лира, бледная, с плотно сжатыми губами, молча отвела Ауру в стойло и тоже исчезла.

Элора осталась одна.

Люцидор чувствовал её состояние — тяжесть, давящую на плечи, боль, которая не уходила, даже когда она закрывала глаза. Он ткнулся носом в её плечо, лизнул щёку шершавым языком, и через связь пришла волна такого глубокого, такого безусловного утешения, что у неё перехватило дыхание.

Она обняла его за шею, прижалась лицом к тёплой шерсти и стояла так долго, очень долго. Потому что больше никто не мог дать ей ту тишину, которая была нужна. Потому что только здесь, рядом с ним, она могла не думать о том, что видела сегодня.

Она уже собиралась вести Люцидора в стойло, когда заметила движение у скал. Там, где кончалась застава и начиналась серая зона, кто-то прятался. Она напряглась, рука метнулась к кинжалу, но Люцидор, вместо того чтобы оскалиться, вдруг издал удивлённый, почти вопросительный звук.

- Что там? — прошептала Элора, но он уже шёл вперёд, к камням, и она, не раздумывая, последовала за ним.

За валуном, в маленькой расселине, лежал детёныш виверны.

Он был маленьким — размером с крупную собаку, с ещё не раскрывшимися крыльями и чешуёй, которая переливалась болотным, почти чёрным цветом. Один глаз был закрыт, из ноздрей сочилась кровь, а бок был рассечён — видимо, арбалетным болтом. Он не двигался, только тяжело, прерывисто дышал, и в этом дыхании было столько боли, столько страха, что у Элоры сжалось сердце.

Она опустила на колени, не зная, что делать. Детёныш открыл здоровый глаз и посмотрел на неё. В этом взгляде не было ярости, не было ненависти. Только боль и страх. И ещё что-то, чего Элора не могла понять. Какое-то древнее, почти человеческое узнавание.

- Я помогу тебе, — сказала она, протягивая руку. — Только не бойся.

Детёныш вздрогнул, но не отстранился. Его ноздри расширились, ловя её запах, и вдруг, через связь, которую она разделяла с Люцидором, прорвалось что-то ещё. Не слова, не образы, а чистое, незамутнённое чувство. Боль. Страх. И одновременно — доверие. Глубокое, почти детское доверие к тому, кто не причинит вреда.

Элора ахнула, отшатнувшись. Это было похоже на Зверодух, но иначе. Глубже. Интимнее. Будто она слышала не просто чувства зверя, а его душу.

- Что... что это? — прошептала она.

Люцидор, стоявший рядом, издал низкий, предупреждающий звук, но в нём не было агрессии. Только удивление и... одобрение? Он наклонил голову, обнюхал детёныша, потом лизнул его рану. Детёныш вздрогнул, но не закричал. Только прижался к Люцидору, ища защиты.

Элора поняла, что выбора у неё нет. Она не могла оставить его здесь. Не могла убить, как сделали бы другие. Она наклонилась, осторожно подняла детёныша на руки. Он был лёгким, несмотря на размер, и тёплым. Его сердце билось так часто, так испуганно, что у неё самой заколотилось в груди.

- Я спрячу тебя, — прошептала она. — Вылечу. А потом... потом решим, что делать.

Люцидор шёл рядом, и через связь Элора чувствовала его спокойствие. Он принимал её выбор. Он был с ней. Они шли к стойлу, а детёныш, прижавшись к её груди, тяжело дышал, и Элора знала, что этот момент изменит всё. Она не знала как, но чувствовала это каждой клеткой.

В стойле она уложила детёныша на охапку сена, принесла воды, отыскала чистые бинты. Люцидор стоял рядом, наблюдая, и в его глазах, умных и спокойных, было что-то новое — не ревность, не тревога, а принятие. Как будто он знал, что этот маленький, беспомощный зверь теперь часть их стаи.

Детёныш застонал, когда она начала обрабатывать рану, но не дёргался. Он только смотрел на неё одним глазом, и в этом взгляде было столько доверия, что у Элоры защипало глаза.

- Всё будет хорошо, — шептала она, накладывая повязку. — Ты выживешь. Я обещаю.

Она не знала, понимает ли он её слова. Но через ту странную, только что родившуюся связь, она чувствовала его боль, его страх, и постепенно — его спокойствие. Он верил ей. Он знал, что она не причинит вреда.

Когда она закончила, детёныш закрыл глаза и уснул. Элора сидела рядом, прислонившись к боку Люцидора, и смотрела на него. Чешуя, ещё мягкая, почти нежная, переливалась в тусклом свете, и в этом переливе было что-то древнее, первозданное. Он был красив. Не страшен, не чудовищен.

- Что я делаю? — прошептала она. — Я должна искать Финна. Должна найти «Врата». А вместо этого...

Люцидор лизнул её щёку, и через связь пришла волна, которая сложилась в простое осознание происходящего: «Ты делаешь то, что должна. Потому что ты — это ты».

Она улыбнулась, впервые за этот долгий, страшный день.

Ночью Элора пришла к Лавру. Старик встретил её у входа в пещеру, будто ждал. Он посмотрел на неё, на её руки, всё ещё испачканные в крови маленькой виверны, и кивнул.

- Принесла кого-то? — спросил он.

- Да, — ответила Элора. — Я прятала его в стойле.

Лавр вздохнул, но в его вздохе не было осуждения. Только усталая мудрость.

- Пойдём, посмотрим. Если он выживет, ты будешь отвечать за него. Ты понимаешь?

- Понимаю.

Лавр долго осматривал детёныша, ощупывал рану, проверял пульс. Потом кивнул.

- Выкарабкается. Крепкий попался. Но связь, которую ты с ним установила... — он посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на удивление. — Это редкость. Даже среди скальдов. Ты теперь отвечаешь за него. Ты готова?

Элора посмотрела на спящего детёныша. На его чешую, переливающуюся в тусклом свете, на его ровное, спокойное дыхание. И поняла, что да. Готова. Потому что в этом маленьком, беспомощном существе она увидела то, что искала всё это время. Не правду. Не месть. А надежду. Надежду, что можно жить иначе. Что можно не убивать. Что можно спасать.

- Готова, — сказала она.

Глава 6

Весть о том, что Кейден вылетел на заставу, пришла с утренним патрулём.

Элора сидела в стойле, проверяя повязку на боку детёныша, которого она про себя называла Малышом. Он выздоравливал медленно, но верно — рана очистилась, края стянулись, и он уже пытался вставать на лапы, хотя они ещё дрожали и подкашивались. Люцидор, всегда терпеливый, позволял детёнышу тыкаться носом в его бок, искал защиты, и Элора с умилением наблюдала, как два зверя, которым по всем законам войны полагалось быть врагами, лежали рядом, согревая друг друга.

В дверях появилась Лира, запыхавшаяся, с покрасневшим от быстрого бега лицом.

- Лора! — крикнула она, и в её голосе было что-то, от чего сердце Элоры пропустило удар. — Кейден вылетел! Сегодня ночью. Должен быть к вечеру.

Элора вскочила, не чувствуя, как заныло затекшее плечо. Малыш, испуганный резким движением, пискнул и забился под крыло Люцидора. Тот издал успокаивающее урчание, но Элора уже не обращала на них внимания. Она смотрела на Лиру, и в голове билась одна мысль о том, что скоро она увидит Кейдена.

- Громовержец уже окреп? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но Лира только усмехнулась.

- Окреп не окреп, но Кейден сказал, что ждать больше не может. Мораг передала через связного, что он будет здесь к закату.

Элора кивнула, отвернулась, делая вид, что проверяет сбрую Люцидора, но на самом деле она просто не могла смотреть на Лиру. Потому что подруга увидела бы в её глазах то, что Элора не хотела показывать никому. Слишком многое было намешано в этом ожидании — и надежда, и страх, и что-то ещё, чему она не могла подобрать названия.

День тянулся невыносимо долго.

Элора несколько раз порывалась вылететь навстречу, но Кор, словно чувствуя её нетерпение, находил для неё дела одно за другим. То нужно было проверить снаряжение, то помочь в лазарете, то разобрать старые карты. Она делала всё механически, почти не понимая, что делает, и постоянно поглядывала на небо, где солнце медленно, издевательски медленно, ползло к закату.

Лира не отходила от неё, и это молчаливое присутствие было единственным, что удерживало Элору от того, чтобы бросить всё и взлететь.

- Он прилетит, — сказала Лира, когда Элора в сотый раз подошла к краю плаца и уставилась на горизонт. — Не сомневайся.

- Я и не сомневаюсь, — ответила Элора. — Просто...

Она не договорила. Потому что не могла объяснить даже себе, что с ней происходит. В Академии она ненавидела Кейдена. Потом боялась. Потом не доверяла. А теперь... теперь он был единственным, кто знал ту же правду, что и она. Единственным, кто не смотрел на неё с жалостью или подозрением. Единственным, кому она могла рассказать всё, что узнала за эти недели, и не бояться, что её объявят сумасшедшей или предательницей.

И ещё было то, о чём она не говорила никому, даже себе. То, что просыпалось в ней каждый раз, когда она вспоминала его лицо в тот вечер, когда он учил её владеть тенями. Его руки на её плечах. Его голос, тихий и твёрдый: «Мы в одной лодке». И то, как он смотрел на неё, когда прощался у Академии. Будто хотел сказать что-то, но не сказал.

Она тряхнула головой, отгоняя мысли. Сейчас не время. Сейчас надо просто ждать.

Закат застал её на смотровой башне.

Элора поднялась туда, когда солнце уже коснулось горизонта, окрасив скалы в багровый, почти кровавый цвет. Ветер был сильным, холодным, он трепал её короткие волосы, заби-

рался под куртку, но она не чувствовала холода. Она смотрела на юг, туда, откуда должен был появиться Кейден, и ждала.

Люцидор остался внизу, с Малышом, но через связь она чувствовала его спокойствие и поддержку.

И она чувствовала каким-то шестым чувством, звериным чутьём, которое проснулось в ней за эти месяцы: он близко.

И вот, когда солнце уже почти скрылось за горизонтом, оставляя на небе только узкую полосу золотого света, она увидела в небе точку. Маленькую, едва различимую на фоне багрового неба. Она двигалась быстро, стремительно, и с каждой секундой становилась всё больше. Элора не могла дышать. Она вцепилась в каменный парапет так, что побелели костяшки, и смотрела, не отрываясь.

Громовержец летел низко, почти касаясь крыльями вершушек скал. Он был огромным, тёмным, и даже на расстоянии Элора видела, как тяжело он дышит, как напряжены его крылья — первый дальний перелёт после ранения давался нелегко. Но он летел. И на его спине, в седле, сидел он.

Элора не помнила, как спустилась с башни. Не помнила, как бежала через плац, расталкивая случайных прохожих, как споткнулась о камень, едва не упала, но удержалась и побежала дальше. Она помнила только, что оказалась на посадочной площадке в тот момент, когда Громовержец, взревев, коснулся земли. Пыль и мелкие камни взметнулись вверх, и на мгновение Элора ослепла, но уже в следующую секунду она увидела его.

Кейден спрыгнул с седла, даже не дожидаясь, пока Громовержец остановится полностью. Он был бледен, под глазами залегли тени, форма была помята и запылена — он летел всю ночь и весь день, не останавливаясь. Но его глаза... его глаза горели.

Он увидел её. И в тот же миг его лицо изменилось. Исчезла усталость, исчезла напряжённая сосредоточенность. Осталось только что-то такое, от чего у Элоры перехватило дыхание.

Он бросился к ней.

Именно бросился, как будто боялся, что она исчезнет, растворится в воздухе, если он не успеет. Элора сделала шаг навстречу, и в следующее мгновение его руки сомкнулись вокруг неё. Крепко, до боли, до хруста в рёбрах, как будто он пытался удержать её, впитать в себя, сделать частью себя.

Она не сопротивлялась. Её руки сами поднялись, обхватили его за плечи, притянули ближе. Она чувствовала его дыхание у виска, его сердце, бьющееся где-то рядом с её сердцем, и не могла понять, где кончается она и начинается он.

- Я думал, не успею, — прошептал он, и в его голосе, обычно таком холодном, таком сдержанном, прозвучало что-то, от чего у неё защемило глаза. — Думал, ты уйдёшь без меня.

- Я ждала тебя, — ответила она, и её голос дрогнул.

Он отстранился ровно настолько, чтобы посмотреть ей в глаза. Его ладони легли на её щеки, пальцы скользнули по скулам, по вискам, будто проверяя, что она настоящая, что она здесь.

- Ты... — начал он, но не закончил. Просто смотрел на неё, и в его глазах, серых, глубоких, она видела то, что боялась назвать даже в мыслях. Или надеялась, что это ей не кажется.

- Кейден... — прошептала она, и он вдруг улыбнулся. Впервые за всё время, что она его знала, он улыбнулся ей. Не холодно, не насмешливо, а по-настоящему. Тепло и немного виновато.

- Прости, — сказал он. — Я должен был прилететь раньше. Громовержец... он ещё не до конца окреп, но я не мог больше ждать. Не мог оставить тебя здесь одну.

- Я не одна, — возразила она, но он только покачал головой.

- Ты всегда была одна, Лора. С того самого дня, как пришла в Академию. Ты справлялась, ты выживала, ты... ты была сильнее всех нас. Но теперь... теперь ты не одна. Я здесь.

Она хотела что-то ответить, но слова застряли в горле. Слишком много всего накопилось за эти недели — страх, боль, бессилие, надежда. И теперь, когда он стоял перед ней, живой, настоящий, всё это вырвалось наружу. Она уткнулась лицом ему в плечо, и плечи её дрогнули.

- Я видела, как они убивали друг друга, — прошептала она. — Наши и скальды. В серой зоне. Кор сказал не вмешиваться, и мы просто смотрели. Смотрели, как люди умирают. И ничего не могли сделать.

- Знаю, — тихо сказал он, и его руки снова обняли её, прижимая ближе. — Я знаю. Кор передал мне.

- А ещё я нашла детёныша, — продолжала она, не в силах остановиться. — Раненого, маленького. Его чуть не убили. Я спрятала его и пытаюсь вылечить. И теперь... теперь я чувствую его. Как Люцидора, но иначе. Глубже. Будто он часть меня.

Кейден замер, но не отстранился.

- Это странно, — сказал он. — Ты установила связь с виверной. Не через Зверодух, а... иначе. Я слышал о таком, но никогда не видел.

- Я испугалась, — призналась она. — Сначала. А потом поняла, что не могу его бросить. Не могу. Как будто если я его брошу, я потеряю что-то важное. Что-то, что делает меня собой.

Он молчал, и она чувствовала, как бьётся его сердце — ровно, сильно, уверенно. И это успокаивало.

- Ты изменилась, — сказал он наконец. — За эти недели. Стала... другой.

- Хорошей или плохой? — спросила она, не поднимая головы.

- Не знаю, — честно ответил он. — Другой. Сильнее. И одновременно — уязвимее. Как будто ты нашла что-то, что боишься потерять.

Она подняла голову и посмотрела ему в глаза. Он смотрел на неё, и в его взгляде было что-то, от чего её сердце забилось быстрее. Она знала это чувство. Боялась его. И хотела, чтобы оно не кончалось.

- Кейден, — сказала она. — Я нашла документы. В старом форте, где была лаборатория. Там... там говорится о «Вратах». О главной лаборатории. Она в землях скальдов, за перевалом «Мёртвый Зуб». Туда ушёл Финн. Я должна пойти туда.

Он не удивился. Не испугался. Только кивнул, как будто ждал этих слов.

- Знаю, — сказал он. — Поэтому я здесь. Мы пойдём вместе. Но сначала... сначала ты расскажешь всё, что узнала. А потом мы решим, как и куда идти.

- А если не успеем? — спросила она. — Если Финн доберётся до «Врат» раньше нас?

- Не успеет, — уверенно сказал Кейден. — Путь туда долгий и опасный. Даже для него. У нас есть время. Немного, но есть.

Он отпустил её, но не отстранился. Его рука скользнула по её плечу, задержалась на мгновение, будто не хотела отпускать, и только потом опустилась.

- Пойдём, — сказал он. — Расскажешь, что ещё случилось, пока меня не было.

Она кивнула, и они пошли к стойлам рядом, почти касаясь плечами, и Элора чувствовала тепло его тела даже через плотную ткань куртки. Она знала, что впереди их ждёт долгий путь, опасности, возможно, смерть. Но сейчас, в этот момент, она была счастлива. Просто быть рядом. Просто идти с ним. Просто знать, что он здесь.

Люцидор встретил их у входа в стойло. Он поднял голову, когда они подошли, и издал тихое, приветственное урчание. Кейден остановился, глядя на мантикору, и в его глазах мелькнуло что-то вроде уважения.

- Он изменился, — сказал Кейден. — Стал больше. Сильнее.

- Он вырос, — ответила Элора, подходя к Люцидору и кладя руку ему на шею.

Из-под крыла Люцидора высунулась любопытная мордочка Малыша. Он принюхался, уловил незнакомый запах и попытался спрятаться обратно, но любопытство пересилило страх.

Он высунулся, посмотрел на Кейдена своими жёлтыми, ещё не взрослыми глазами, и вдруг издал тихий, требовательный писк.

- А это, — сказала Элора, улыбнувшись, — Малыш.

Кейден опустился на корточки, протянул руку. Малыш замер, потом осторожно, очень осторожно, потянулся к его пальцам, обнюхал их, лизнул. Кейден замер, и Элора увидела, как его лицо смягчилось.

- Он тебя принял, — сказала она. — Лавр сказал, что они не доверяют чужим.

- Может, он чувствует, что я не чужой, — тихо ответил Кейден, не отводя взгляда от детёныша. — Может, чувствует, что мы с тобой... связаны.

Он поднял глаза на Элору, и она увидела в них то, что боялась назвать. Или надеялась, что ей не кажется.

- Связаны? — переспросила она, и голос её дрогнул.

- Мы в одной лодке, помнишь? — он улыбнулся, и в этой улыбке было что-то от того Кейдена, которого она узнала в тот вечер, когда он учил её владеть тенями. Тёплое, почти нежное. — Навсегда.

Она хотела ответить, но не успела. Малыш, устав от новых впечатлений, забрался обратно под крыло Люцидора и затих. А Люцидор, склонив голову, смотрел на Кейдена с выражением, которое Элора никогда раньше не видела. Одобрение? Принятие? Она не знала. Но знала, что с этого момента всё будет иначе.

Потому что он вернулся. Тот, кто был ей нужен. Тот, без кого она, оказывается, уже не могла.

Ночью они сидели в стойле, прижавшись друг к другу, и говорили. Обо всём. О документах, о Финне, о «Вратах», о том, что ждёт их впереди. Кейден слушал, не перебивая, и в его глазах разгорался тот самый огонь, который Элора видела в нём в Академии — огонь человека, который не остановится, пока не найдёт правду.

- Мы пойдём вместе, — сказал он, когда она закончила. — Через перевал «Мёртвый Зуб». В земли скальдов. Найдём «Врата» и Финна. И тогда... тогда всё закончится.

- А если не закончится? — спросила она. — Если мы не успеем? Если правда окажется страшнее, чем мы думаем?

Он взял её за руку, и его пальцы сжались вокруг её ладони.

- Тогда мы будем бороться. Вместе. Как всегда.

Она посмотрела на их соединённые руки, потом на него. И поняла, что готова. Ко всему. Потому что он был рядом. Потому что она больше не одна.

Глава 7

Ночь после возвращения Кейдена была самой спокойной за всё время, что Элора провела на заставе. Они сидели в стойле, прижавшись друг к другу, и говорили обо всём. О документах, о Финне, о «Вратах», о том, что ждёт их впереди. Малыш, утомлённый впечатлениями, спал под крылом Люцидора, и его тихое, ровное дыхание успокаивало, напоминало, что жизнь продолжается, даже когда вокруг смерть.

Кейден слушал, не перебивая, и в его глазах разгорался тот самый огонь, который Элора видела в нём в Академии — огонь человека, который не остановится, пока не добьётся своего.

- Ты нашла больше, чем я за все эти годы, — сказал он, когда она закончила. — Документы, лабораторию, следы Финна. Я искал правду, а ты нашла её. Или почти нашла.

- Мы найдём её, — ответила Элора. — Вместе.

Он сжал её руку, и в этом жесте было столько всего, что она не могла подобрать слов. Только смотрела на их соединённые пальцы и чувствовала, как внутри разливается тепло, причины которого она боялась назвать.

- Я должен кое-что рассказать тебе, — сказал Кейден, и его голос стал серьёзным. — О том, что я делал в Академии, пока ждал, когда Громовержец поправлялся.

Она подняла голову, и он продолжил:

- У меня есть контакты по ту сторону. Скальды, которые не хотят войны. Те, кто помогал мне, когда я искал правду о смерти брата. Они ждали, пока я найду доказательства. Ждали, чтобы начать действовать.

- И ты с ними связался? — спросила Элора.

- Да. Через связного. Я передал им, что мы нашли лабораторию в Академии, рассказал им о Финне. Они... они хотят встретиться. Обсудить, как действовать дальше.

Он замолчал, и Элора поняла, что он не договаривает.

- Когда? — спросила она.

- Завтра, — ответил Кейден. — На нейтральной территории. В серой зоне, там, где контрабандисты обычно пересекают Стену. Я пойду один. Встреча должна быть тайной — если они увидят кого-то еще, то переговоры сорвутся.

- Один? — Элора почувствовала, как внутри всё оборвалось. — Ты пойдёшь один? А если это ловушка? Если они не те, за кого себя выдают?

- Я знаю этих людей, — сказал он, и в его голосе была уверенность. — Я встречался с ними раньше. Они помогали мне, когда я искал правду о брате. Они не предадут меня.

- Но ты же сам говорил, что среди скальдов есть те, кто не хочет мира. Если они узнают...

- Не узнают, — перебил он. — Я буду осторожен. И ты... ты должна остаться здесь. Если я не вернусь через сутки, поднимай тревогу. Кор знает, что делать.

- Если не вернёшься? — Элора вскочила, чувствуя, как страх сжимает горло. — Ты не можешь просить меня сидеть здесь и ждать, пока сам пойдёшь на верную смерть!

- Я и не прошу, — он тоже встал, взял её за плечи, заглянул в глаза. — Я прошу тебя доверять мне. Как я доверял тебе в Академии. Помнишь? Ты нырнула в тень, чтобы убить Хранителя. Я верил, что ты вернёшься. Теперь ты должна поверить, что вернусь я.

Она смотрела на него, и в её груди боролись два чувства — страх потерять и желание верить. Страх был сильнее. Но она подавила его и кивнула.

- Одни сутки, — сказала она. — Если не вернёшься, я пойду за тобой. Даже если придётся перевернуть вверх дном весь мир.

Он улыбнулся, и в этой улыбке было что-то такое, от чего у неё перехватило дыхание.

- Знал, что ты это скажешь. Поэтому и прошу — жди. Не лезь раньше времени. Я справлюсь.

Утром Кейден ушёл.

Элора провожала его до края серой зоны, туда, где скалы расступались, образуя узкий проход, ведущий к Стене. Громовержец, ещё не до конца оправившийся после ранения, тяжело дышал, но летел уверенно. Кейден, уже в седле, обернулся, посмотрел на неё, и на мгновение их взгляды встретились.

- Жди, — сказал он. — Я вернусь.

Она кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Он развернулся, и Громовержец, взревев, взмыл в воздух, направляясь к Стене, к лиловому мареву, которое скрывало земли скальдов. Элора смотрела ему вслед, пока его силуэт не растаял в дымке, и всё ещё смотрела, когда от него не осталось и следа.

- Вернётся, — сказала Лира, подходя сзади и кладя руку ей на плечо. — Он сильный.

- Знаю, — ответила Элора, но голос её дрогнул.

День тянулся медленно, как резиновый. Элора пыталась заниматься делами — проверила снаряжение, помогла в лазарете, навестила Малыша, который уже пытался вставать на лапы и даже сделал несколько неуверенных шагов. Люцидор, чувствуя её тревогу, был спокоен, но его спокойствие было натянутым, как струна. Через связь передавалось напряжение, которое она не могла объяснить.

Кор несколько раз порывался заговорить с ней, но она отмахивалась. Не могла. Не сейчас. Каждый звук, каждый шорох заставлял её вздрагивать, оборачиваться, вглядываться в горизонт. Но там было пусто.

Лира не отходила от неё, и это молчаливое присутствие было единственным, что удерживало Элору от того, чтобы сорваться и полететь на поиски.

- Он вернётся, — повторяла Лира, и Элора кивала, но в глубине души этому не верила.

Вечер принёс тревогу.

Кейден должен был вернуться к закату. Солнце уже коснулось горизонта, окрасив скалы в багровый, почти кровавый цвет, а его всё не было. Элора стояла на смотровой башне, в том же месте, где ждала его вчера, и смотрела на юг, туда, откуда он должен был появиться. Но на горизонте было пусто.

- Может, задерживается, — сказал Кор, поднимаясь к ней. — Переговоры редко заканчиваются быстро.

- Он обещал вернуться к вечеру, — ответила Элора, не оборачиваясь. — Он не нарушает обещаний.

Кор помолчал, потом сказал:

- Если к утру не вернётся, я вышлю поисковый отряд. Но ты должна быть готова к тому, что...

- Не надо, — перебила она. — Он вернётся.

Но она не была в этом уверена.

Ночь была самой долгой в её жизни.

Элора не спала. Она сидела в стойле, прижавшись к боку Люцидора, и смотрела в темноту. Малыш, чувствуя её состояние, не отходил, тыкался носом в её ладонь, пытаясь успокоить. Но ничто не могло успокоить ту боль, которая разливалась в груди, когда она думала о том, что Кейден мог не вернуться.

Она прокручивала в голове каждое его слово, каждый взгляд, каждое прикосновение. Вспоминала, как он учил её владеть тенями, как держал за плечи, когда она боялась. Как улыбнулся ей вчера, когда она сказала, что будет ждать. И как смотрел на неё перед уходом — будто прощался.

- Нет, — прошептала она в темноту. — Нет, нет, нет...

Люцидор издал тихое, успокаивающее урчание, но оно не помогло. Она вскочила, прошлась по стойлу, вернулась, села. Встала снова. Мысли метались, как звери в клетке.

«Что, если он попал в засаду? Что, если его схватили? Что, если он уже мёртв?»

Она зажмурилась, пытаясь отогнать эти мысли. Но они возвращались снова и снова, чёрные, липкие, как смола.

- Я пойду за ним, — сказала она, обращаясь к Люцидору. — На рассвете. Если он не вернётся, я пойду.

Люцидор не ответил, но через связь пришла безусловная готовность ко всему. «Куда ты — туда и я.»

Она обняла его, уткнулась лицом в тёплую шерсть и замерла. Ждать. Осталось всего несколько часов.

Рассвет застал её на ногах.

Она уже седлала Люцидора, когда в стойло вбежала Лира. Её лицо было бледным, в глазах — тревога.

- Поисковый отряд готов, — сказала она. — Кор ждёт.

- Я лечу одна, — ответила Элора, затягивая последнюю пряжку. — Если он жив, я найду его. Если нет... я должна знать.

- Мы летим вместе, — твёрдо сказала Лира. — И не спорь. Ты не пойдёшь одна.

Элора хотела возразить, но увидела в глазах подруги ту же решимость, что была в её собственных. И кивнула.

- Хорошо. Вместе.

Они вышли из стойла. Кор уже ждал у выхода, его лицо было суровым.

- Я отпускаю вас, — сказал он. — Но будьте осторожны. Если через два часа не вернётесь, я подниму тревогу. И помните: если Кейден попал в руки скальдов, вы не сможете ему помочь. Только погубите себя.

- Мы знаем, — ответила Элора, вскакивая в седло.

Она оглянулась на заставу, на серые, угрюмые стены, на людей, которые высыпали на плац, провожая их взглядами. И подумала: «Если я не вернусь, кто будет искать правду? Кто расскажет им, что война — это ложь?»

Но ответа не было. Впереди ждали только ветер и дорога, уходящая в неизвестность.

Они летели над серой зоной, туда, где Кейден должен был встретиться со скальдами. Элора вела отряд, её глаза впивались в каждый камень, каждую расселину, каждую тень, где мог укрыться друг или враг. Люцидор летел ровно, мощно, чувствуя её напряжение и отвечая на него своей готовностью к бою.

- Смотри, — крикнула Лира, указывая вниз.

Элора проследила за её рукой и увидела внизу, в узкой расселине, лежало тело. Человеческое. В форме Протектората.

Сердце ухнуло в пятки. Она снизилась, приземлилась рядом, спрыгнула с Люцидора, не чувствуя ног. Тело было изуродовано когтями виверны, или чем-то похуже. Лицо... лица не было. Но форма была знакома. Такая же, как у Кейдена.

- Нет, — прошептала она. — Нет, нет...

Лира подошла, взяла её за руку.

- Это не он, — сказала она. — Посмотри. Форма старше, потрёпаннее. И рост не тот.

Элора вгляделась, и правда — тело было меньше, коренастее. Не Кейден. Облегчение было таким сильным, что у неё подкосились ноги. Она опёрлась на Люцидора, пытаясь отдышаться.

- Нам нужно лететь дальше. Кейден ждёт, — взяла себя в руки Элора.

Она уже собиралась взлететь, когда Люцидор вдруг напрягся, издал предупреждающий звук. Элора обернулась. Из-за скал выходили люди. Много людей. В форме Протектората, с арбалетами наготове.

- Стоять! — крикнул один из них, высокий, с жёстким лицом. — Вы арестованы за пособничество врагу!

- Мы кадеты! — крикнула в ответ Элора. — Мы ищем нашего командира!

- Командира? — человек усмехнулся. — Того, кто встречался с врагом? Мы знаем. Он предатель. Как и вы.

Он дал знак, и арбалеты поднялись. Элора почувствовала, как внутри всё оборвалось. Они не смогут взлететь — слишком близко, слишком много противников. Люцидор зарычал, готовясь к броску, но она остановила его мысленным приказом.

- Мы не предатели, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Мы ищем правду.

- Правда в том, что вы связались с врагом, — отрезал человек. — И вы ответите за это.

Он сделал шаг вперёд, и в этот момент из-за скал вылетела виверна. Огромная, чёрная, с наездником в тёмной одежде. Она спикировала прямо на отряд, и солдаты, забыв об Элоре, открыли огонь. Но виверна была быстрее. Она пронеслась над ними, поливая землю струёй Чарующей Песни, и люди начали падать, зажимая уши, корчась в конвульсиях.

- Взлетаем! — крикнула Элора, вскакивая в седло. — Быстро!

Люцидор рванул вверх, за ним — Аура. Они уходили, а внизу разворачивалась новая бойня. Элора не оглядывалась. Она смотрела только вперёд, туда, где за лиловым маревом Стены ждал Кейден. Живой или мёртвый — она должна была узнать. И она узнает. Даже если для этого придётся пройти через ад.

Глава 8

Они вернулись на заставу, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая скалы в багровый, почти кровавый цвет. Элора не помнила, как они летели. В голове была только одна мысль: «Кейден не вернулся. Он не вернулся, и я ничего не сделала».

Люцидор чувствовал её состояние — тяжесть, давящую на плечи, боль, которая не уходила. Он нёс её ровно, бережно, как когда-то, в первые дни их связи, когда она ещё не умела уверенно держаться в седле. И это бережное, почти осторожное движение крыльев было страшнее любого крика.

Лира летела рядом, молчаливая, сосредоточенная. Двое парней из отряда, которых Кор успел поднять по тревоге, замыкали строй. Они были явно напуганы — лица бледные, глаза бегали, руки сжимали поводья так, что костяшки побелели. Всю дорогу они не проронили ни слова, только изредка переглядывались, будто боялись, что враг услышит их дыхание.

Элора не обращала на них внимания. Она смотрела вперёд, на серые стены заставы, которые вырастали из скал, как зубы гигантского зверя, и думала о том, что через несколько часов она снова поднимется в небо. Одна. Или с теми, кто согласится пойти с ней. Но она пойдёт. Даже если для этого придётся перевернуть всю серую зону. Даже если придётся пересечь Стену.

Посадка была жёсткой. Люцидор коснулся земли тяжелее, чем обычно, и Элора, не дожидаясь, пока он успокоится, спрыгнула с седла. Ноги подкосились, но она удержалась, вцепившись в стремя. Лира оказалась рядом, её рука легла ей на плечо.

- Ты как? — спросила подруга.

- Нормально, — ответила Элора, хотя обе знали, что это ложь.

Она оглядела плац. Люди, высыпавшие из казарм, смотрели на них с тревогой и любопытством. Кто-то перешёптывался, показывая пальцами. Элора не обращала внимания. Она знала, что думают эти люди: «Новенькие, натворили дел, теперь расхлёбывай». Ей было всё равно.

- Иди, — сказала Лира. — Я присмотрю за Люцидором и Аурой. Тебя ждут.

Элора кивнула и пошла к зданию комендатуры. Каждый шаг давался с трудом — ноги были ватными, в висках пульсировала боль, знакомая, изматывающая. Она не спала уже вторые сутки, но усталость отступила, сменившись странной, звенящей пустотой.

Кабинет Мораг был таким же, как всегда — маленький, тёмный, заваленный картами и рапортами. Комендант сидела за столом, её лицо было суровым, но в глазах, серых и острых, мелькнуло что-то похожее на сочувствие. Кор стоял у окна, скрестив руки на груди, и смотрел в темноту, где уже начали зажигаться первые звёзды.

- Садись, — сказала Мораг, кивая на стул.

Элора села, чувствуя, как под ней скрипят старые доски грубо сколоченного стула. Кор обернулся, и их взгляды встретились. В его глазах она прочитала то, что хотела услышать: «Я знаю. Я понимаю. Я помогу».

- Докладывай, — приказала Мораг.

Элора рассказала всё. О встрече, о которой говорил Кейден, о том, что он ушёл на переговоры и не вернулся. О теле в расселине, о солдатах, которые напали на них, о виверне, которая спасла их от верной смерти. Она говорила быстро, чётко, стараясь не пропустить ни одной детали. Когда она закончила, в кабинете повисла тишина.

- Ты хочешь идти за ним, — сказала Мораг. Это был не вопрос.

- Да, — ответила Элора. — Я должна найти его. Живого или мёртвого.

Мораг и Кор переглянулись. Комендант вздохнула, провела рукой по лицу, будто снимая маску усталости.

- Я не могу тебя отпустить, — сказала она. — По правилам, ты должна остаться здесь. Ждать. Докладывать. Но... — она помолчала, и в её голосе прозвучала горечь. — Здесь давно уже всё не по правилам. Ты пойдёшь. Я знаю. И удержать тебя я не смогу.

Элора вскочила, но Мораг подняла руку.

- Подожди. Я дам тебе разрешение. Но людей в помощь выделить не могу. У нас каждый на счету, а если ТАМ узнают, что мы ищем «предателя»... — она покачала головой. — Только ты и Лира. И ещё кое-кто.

Она посмотрела на дверь, и в этот момент она открылась.

Рогар вошёл в кабинет, прихрамывая, опираясь на трость. Его лицо, обычно грубое и самоуверенное, было бледным, под глазами залегли тени, но глаза... глаза горели. Он оглядел кабинет, задержал взгляд на Элоре, и в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на облегчение.

- Явился, хромоногий, — сказала Элора, и голос её дрогнул.

- Заткнись, — беззлобно огрызнулся он, подходя ближе. — Думала, я пропущу такое веселье?

Он опустился на стул, вытянув больную ногу. Мораг и Кор переглянулись, но промолчали.

- Нога? — спросила Элора.

- Заживает, — ответил Рогар. — Целители сказали, что через неделю смогу летать нормально. А пока... пока сойдёт и так. Я с вами.

- Ты не обязан, — начала Элора, но он перебил.

- Обязан. Ты вытащила меня из той мясорубки, Лора. Я помню. И потом... — он помолчал, и в его голосе прозвучало что-то, чего она никогда раньше не слышала. — Кейден... он не предатель. Я знаю.

Элора смотрела на него, и на глаза наворачивались слёзы. Она не плакала после битвы за Академию. Ни разу. Но сейчас, когда Рогар, этот несносный, грубый, вечно насмехающийся над ней Рогар, сказал, что пойдёт с ней, она почувствовала, как к горлу подступил комок.

- Ладно, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Не реви, а то я передумаю.

- Сама не реви, — усмехнулся он, но в его усмешке не было злости. Только усталое, тёплое понимание.

Мораг поднялась.

- Готовьтесь. Вылет на рассвете. Снаряжение возьмёте у Кора. И... — она помолчала, и её голос стал тише. — Берегите себя. И друг друга. Это всё, что я могу сказать.

Остаток вечера прошёл в лихорадочной подготовке.

Элора проверила снаряжение трижды — кинжалы, метательные ножи, бинты, сухой паёк, вода. Всё было на месте, но она всё равно перебирала, перекладывала, проверяла. Пальцы дрожали, и она злилась на себя за эту дрожь.

Люцидор стоял рядом, терпеливый, спокойный. Он чувствовал её состояние и отвечал на него ровным, уверенным теплом.

Она прижалась лбом к его лбу и замерла. В этом простом, привычном жесте было столько всего, что она не могла подобрать слов. Только благодарность. Только любовь. Только обещание.

- Я должна оставить Малыша, — прошептала она. — Здесь. Он ещё слишком слаб, чтобы лететь с нами.

Люцидор издал тихое, понимающее урчание. Он знал и принимал это.

Утром в стойле было тихо. Малыш спал, свернувшись калачиком на охапке сена. Он вырос за эти дни — чешуя стала твёрже, крылья, ещё мягкие, уже наливались силой. Он был красив — не страшен, не чудовищен, а по-своему прекрасен. Элора опустилась на колени, погладила его по голове, и он, не открывая глаз, прижался к её ладони.

- Я вернусь, — прошептала она. — Обещаю.

В дверях появился Кор. Он посмотрел на Малыша, на Элору, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на уважение.

- Я присмотрю за ним, — сказал он. — Не волнуйся.

- Спасибо, — ответила Элора, поднимаясь. — Он... он особенный. Я чувствую.

- Знаю, — Кор кивнул. — Лавр говорил. Такая связь — редкость. Береги её.

Она кивнула и вышла из стойла. На плацу уже ждали Лира и Рогар. Лира была спокойна, сосредоточена, её лицо было таким же, как в Академии перед боем. Рогар, прихрамывая, проверял снаряжение, и его движения были точными, выверенными, как у человека, который не привык полагаться на чужую помощь.

- Готова? — спросила Лира.

- Готова, — ответила Элора.

Они поднялись в воздух, когда небо на востоке только начинало сереть. Скалы вокруг заставы казались чёрными, обугленными зубьями, вонзившимися в низкое, тяжёлое небо. Элора летела первой, Люцидор нёс её ровно, мощно, и она чувствовала, как он экономит силы — впереди был долгий путь.

Посёлок в серой зоне они нашли без труда. Кор дал точные координаты — место, где контрабандисты обычно собирались перед переходом. Несколько домов, сколоченных из камня и дерева, полуразрушенная башня, остатки стены. И люди. Молчаливые, настороженные, с глазами, которые видели слишком много, чтобы удивляться чему-то ещё.

Элора спустилась на землю, чувствуя на себе десятки взглядов. Люди выходили из домов, останавливались, смотрели. Кто-то перешёптывался, кто-то указывал пальцами, но никто не подходил.

- Нам нужен проводник на ту сторону, — сказала Элора, обращаясь к высокому, худому мужчине, который стоял ближе всех.

- Проводник стоит денег, — ответил он, усмехнувшись.

- Мы заплатим, — сказала она, доставая кошель.

Мужчина покачал головой.

- Мне не нужно твоё золото. Мне нужно, чтобы вы ушли. И не возвращались.

Он развернулся и ушёл, не оглядываясь. Элора растерянно посмотрела на Лиру, но та только пожала плечами. Они обошли ещё несколько человек, но ответ был один: «Нет. Не пойдём. Нам проблемы не нужны».

- Что будем делать? — спросил Рогар, опираясь на трость. — Без проводника мы пропадём.

Элора не знала. Она уже начала отчаиваться, когда из тени вышел человек. Невысокий, коренастый, с лицом, изрезанным морщинами, и глазами, которые, казалось, видели всё и не верили ничему. Он подошёл ближе, остановился, разглядывая их.

- Вы ищете проводника? — спросил он. Голос был низким, хриплым, с лёгкой насмешкой.

- Да, — ответила Элора. — Вы знаете того, кто согласится?

Человек усмехнулся.

- Согласится? Нет. Но я знаю того, кто пойдёт. Потому что мне нужно то же, что и вам.

- Что? — спросила Лира.

- Правда, — ответил он. — Я потерял сына в той бойне, — он кивнул в сторону Стены. — Он был скальдом. Его убили ваши. Мне нужен мир.

Он помолчал, и в его глазах, усталых и мудрых, загорелся странный огонь.

- Меня зовут Ворон. Я проведу вас через Стену. Но запомните: если вы что-то выкинете в дороге, я убью вас. Даже если погибну сам. Согласны?

Элора посмотрела на Лиру, на Рогара. Лира кивнула. Рогар, прихрамывая, подошёл ближе.

- Согласны, — сказала она. — Ведите.

Ворон кивнул и развернулся. Элора, Лира и Рогар последовали за ним. Люцидор и Аура шли рядом, их дыхание было ровным и спокойным. А впереди, за скалами, пульсировала Стена. И там, за ней, ждал Кейден. Живой или мёртвый — она должна была найти его. И она найдёт.

Глава 9

Ворон вёл их через серую зону, не оглядываясь, не замедляя шага. Он двигался с уверенностью человека, который знал эти тропы лучше, чем собственную ладонь. Элора шла за ним, чувствуя, как с каждым шагом воздух становится тяжелее, плотнее, как магия Стены начинает давить на сознание, вызывая тупую, ноющую боль в висках. Люцидор шёл рядом, его дыхание было ровным, но она чувствовала его напряжение — он тоже ощущал приближение к границе, к тому месту, где мир искажался, переставал быть собой.

- Долго ещё? — спросил Рогар, опираясь на трость. Его нога, ещё не до конца зажившая, давала о себе знать, но он не жаловался, только изредка стискивал зубы, когда ступня попадала на неровный камень.

Ворон не ответил.

Они шли молча. Скалы вокруг становились всё выше, всё мрачнее, их чёрные, обугленные вершины уходили в низкое, тяжёлое небо, где уже начали зажигаться первые звёзды. Воздух был пропитан запахом гари, пыли и чего-то кислого, металлического — запахом Стены.

Лагерь контрабандистов оказался в глубокой расселине, куда не проникал свет даже днём. Несколько палаток, натянутых между скалами, догорающий костёр, люди — молчаливые, настороженные, с глазами, которые видели слишком много, чтобы удивляться чему-то ещё. Они встретили чужаков без радости, но и без враждебности. Только смотрели, как смотрят на тех, кто пришёл ненадолго и скоро уйдёт.

- Здесь переночуем, — сказал Ворон, указывая на свободную палатку. — На рассвете пойдём к Стене.

- Я думал, мы идём сейчас, — сказал Рогар.

- Ночью по этим тропам ходят только самоубийцы, — ответил Ворон. — Или те, кому нечего терять. Вы не выглядите ни как первые, ни как вторые. Отдыхайте. Завтра вам понадобятся силы.

Он отошёл к костру, где его уже ждали. Элора смотрела ему вслед, чувствуя, как внутри нарастает тревога. Она хотела идти сейчас, немедленно, не ждать ни минуты. Но знала, что Ворон прав. Переход через Стену — это не просто прогулка. Это испытание. И она должна быть готова.

- Давайте по очереди, — сказала Лира, когда они устроились в палатке. — Двое спят, один караулит. Через три часа смена.

- Я первый, — сказал Рогар, опускаясь на землю и вытягивая больную ногу. — Всё равно не усну.

Элора хотела возразить, но он посмотрел на неё, и в его взгляде было столько упрямства, что она сдалась. Она легла на жёсткую подстилку, закрыла глаза и попыталась уснуть. Но сон не шёл. В голове крутились мысли о Кейдене, о том, что он мог быть уже мёртв, или ранен, или в плену. Она представляла его лицо — спокойное, сосредоточенное, с лёгкой улыбкой, которую он позволял себе только с ней. И сердце сжималось от боли.

Лира, лежавшая рядом, тихо засопела — уснула, как только закрыла глаза. Элора завидовала её способности отключаться, не думать, не переживать. Но сама так не могла. Она лежала, слушая, как за стенками палатки шепчутся контрабандисты, как потрескивает костёр, как где-то далеко, за скалами, пульсирует Стена.

Она сама не заметила, как провалилась в сон.

Кошмар пришёл не сразу. Сначала была темнота — густая, липкая, как смола. Элора стояла в ней, не понимая, где она и как сюда попала. Потом появился свет — тусклый, лиловый, как магия Стены. И в этом свете она увидела его.

Кейден лежал на камнях, его лицо было бледным, форма разорвана, на груди — тёмное, расплзающееся пятно крови. Он смотрел на неё, и его губы шевелились, но звука не было. Она бросилась к нему, побежала, но расстояние не сокращалось. Она бежала, задыхаясь, спотыкаясь, падала, вставала и снова бежала, а он смотрел на неё, и в его глазах было что-то, от чего у неё разрывалось сердце.

- Кейден! — закричала она, но голос пропал в пустоте. — Кейден!

Она почти добралась до него, почти коснулась его руки, когда он открыл рот, и голос его, хриплый, слабеющий, ударил её, как нож:

- Вернись назад!

Элора проснулась с криком.

- Тихо! — Лира прижала её к земле, её рука зажимала Элоре рот. — Тихо, слышишь? Мы не одни.

Элора замерла, её сердце колотилось где-то в горле. В палатке было темно, только щель у входа пропускала тусклый свет от костра. Рогар сидел у входа, его трость была зажата в руке как оружие. Он смотрел наружу, и его лицо было напряжённым.

- Что случилось? — прошептала Элора.

- Ничего, — так же тихо ответил Рогар. — Но ты кричала. Привлекла внимание.

Она села, вытирая пот со лба. Руки дрожали. Кошмар был таким реальным, таким страшным, что она всё ещё чувствовала запах крови, видела лицо Кейдена, слышала его голос. «Вернись назад!». Что это было? Предостережение? Или её собственный страх, вырвавшийся наружу?

Элора поднялась и вышла из палатки, села у костра, глядя на догорающие угли. Ворон сидел напротив, молчаливый, неподвижный, как изваяние. Он не смотрел на неё, но она чувствовала его присутствие — тяжёлое, давящее, как сама Стена.

- Что тебе снилось? — спросил он.

- Ему больно. Я чувствую. — ответила Элора.

Ворон молчал долго, очень долго. Потом сказал:

- Стена влияет на сны. Искажает. Показывает то, чего нет. Или то, что будет. Никто не знает. Но если ты слышала его голос, значит, он жив. Мёртвые не кричат.

Элора посмотрела на него, и в его глазах, тёмных и глубоких, она увидела что-то, похожее на сочувствие.

- Вы верите в это? — спросила она.

- Я верю, что надежда умирает последней, — ответил он. — Иначе, зачем всё это?

Рассвет они встретили на тропе, ведущей к Стене.

Ворон вёл их уверенно, не оглядываясь, не сбавляя шага. Скалы вокруг стали ещё выше, ещё мрачнее, воздух — тяжелее, плотнее. Элора чувствовала, как магия Стены давит на сознание, вызывая тупую, ноющую боль в висках. Люцидор шёл рядом, его дыхание было тяжёлым, но он не отставал.

- Скоро начнётся, — сказал Ворон, когда солнце поднялось выше. — Готовьтесь.

Они вышли на небольшую площадку, нависающую над пропастью. Внизу, в узкой расщелине, клубился зеленовато-лиловый туман. Это была Стена. Не стена в привычном смысле, а полоса искажённой реальности, которая пульсировала, дышала, жила своей, чужой жизнью.

- Отсюда начнётся переход, — сказал Ворон. — Идите за мной. Не отставайте. Не смотрите по сторонам. И главное — не думайте. Доверьтесь своим мантикорам. Они знают, что делать.

- Что там? — спросил Рогар, глядя вниз. — Что мы увидим?

- Каждый своё, — ответил Ворон. — Страхи. Надежды. То, что вы потеряли. То, что хотите найти. Стена показывает вам вашу душу. И не все это могут выдержать.

Он посмотрел на Элору, и в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на предостережение.

- Если почувствуешь, что не справляешься, кричи. Я вытащу. Но лучше не останавливаться. Просто всегда идите вперед.

Он шагнул в тёмный туман, и они последовали за ним.

Как только нога Элоры коснулась лиловой дымки, мир изменился. Звуки исчезли, сменившись гулом — низким, непрерывным, который вибрировал в костях, в зубах, в самом нутре. Воздух стал тяжёлым, почти осязаемым, он давил на грудь, на горло, на глаза, заставляя их слезиться.

Она шла, чувствуя, как Люцидор рядом тяжело дышит, как его тело напряжено до предела. Через связь прорывались обрывки чувств — страх, боль, и одновременно — упрямство, желание идти дальше, не сдаваться.

«Я рядом», — послала она ему, и он ответил коротким, едва уловимым импульсом.

Ворон шёл впереди, его фигура то появлялась, то исчезала в лиловом мареве. Элора смотрела на него, стараясь не думать, не чувствовать, просто идти. Но Стена была сильнее.

Сначала пришли образы. Неяркие, размытые, как старые картины. Она увидела Академию, какой она была в первый день — огромную, неприступную, полную надежд. Потом пришли лица. Торбин, с его спокойной, доброй улыбкой. Скай, которая учила её летать. Вульф, с его рублеными фразами и усталыми глазами. Они смотрели на неё, и в их взглядах было что-то, от чего у неё сжималось сердце.

- Простите, — прошептала она. — Я не смогла вас спасти.

Они не ответили. Просто смотрели, и в их глазах не было упрёка. Только грусть.

Потом пришла боль. Боль от потерь, от несправедливости, от того, что мир, в котором она жила, оказался ложью. Элора остановилась, чувствуя, как ноги подкашиваются. Лиловый туман стучался, обволакивал, тянул вниз.

- Лора! — голос Ворона пробился сквозь гул. — Не останавливайся!

Она сделала шаг. Ещё один. Ещё. Каждый давался с трудом, будто она шла по болоту, по колено увязая в липкой, вязкой грязи. Люцидор рядом шатался, его дыхание было прерывистым, но он шёл. Не отставал.

А потом она увидела его.

Кейден стоял впереди, в том же самом лиловом мареве. Его лицо было спокойным, он смотрел на неё, и в его глазах была та самая улыбка, которую она видела в последний раз перед его уходом. Он протянул руку.

- Иди ко мне, — сказал он. — Я здесь. Я ждал.

Элора сделала шаг. Потом ещё один. Она почти добралась до него, почти коснулась его пальцев, когда что-то остановило её. Голос. Чужой, резкий, незнакомый.

- Это не он.

Она обернулась. Рогар стоял позади, его лицо было искажено болью, на лбу выступил пот, но глаза смотрели ясно.

- Это не Кейден, — повторил он. — Стена играет с тобой. Не верь.

Она посмотрела на Кейдена. Он стоял, всё так же протягивая руку, и на его лице появилась тень нетерпения.

- Иди же, — сказал он. — Я жду.

- Нет, — прошептала она. — Ты не он.

Лиловое марево дрогнуло, и лицо Кейдена начало меняться. Черты искажались, расплывались, и через мгновение перед ней стояло что-то безликое, страшное, с пустыми глазницами, из которых тянулись лиловые щупальца. Элора отшатнулась, и в этот момент Люцидор, собрав последние силы, рванул вперёд, заслоня её собой.

- Не смей! — закричала она, бросаясь за ним.

Они прорвались сквозь марево, и в следующий миг всё кончилось.

Элора очнулась на камнях. Небо над ней было низким, серым, и где-то далеко, за горами, слышался крик виверны. Она лежала, не понимая, где находится, сколько времени прошло. В голове было пусто и звонко, как в колоколе.

- Жива? — голос Лиры прозвучал где-то рядом.

Элора повернула голову. Лира сидела на камне, её лицо было бледным, под глазами залегли тени, но она улыбалась.

- Жива, — прошептала Элора. — А Кейден? Мы нашли его?

Лира покачала головой.

- Ещё нет. Но мы перешли Стену. Мы в землях скальдов.

Элора села, огляделась. Вокруг были скалы — такие же чёрные, обугленные, как и с той стороны. Но здесь, за Стеной, воздух был другим. И пахло здесь иначе. Чем-то древним, забытым, почти родным.

Люцидор лежал рядом, его бока тяжело вздымались, но он был жив. Она подползла, прижалась лбом к его лбу, чувствуя, как его дыхание смешивается с её дыханием.

- Мы прошли, — прошептала она. — Мы здесь.

Он открыл глаза, посмотрел на неё, и в его взгляде было столько любви, столько доверия, что у неё защипало глаза.

- Отдыхай, — сказал Ворон, подходя. — Дальше будет легче. Или тяжелее. Кто знает.

Он посмотрел на север, туда, где за скалами, по его словам, лежали земли скальдов. Туда, где, возможно, ждал Кейден. Живой или мёртвый — она должна была узнать.

Элора поднялась. Ноги дрожали, голова кружилась. Но она не могла позволить себе слабость. Потому что Кейден ждал. И она найдёт его. Даже если для этого придётся пройти через Стену снова.

Глава 10

Элора открыла глаза и поняла, что мир изменился.

Сначала была только тишина — странная, непривычная, без гула Стены, без воя ветра, без далёких криков виверн. Только собственное дыхание и тяжелое, ровное биение сердца. Потом пришли ощущения — холодный камень под спиной, жёсткий, но какой-то живой, будто он дышал вместе с ней. И запахи — незнакомые, терпкие, горьковатые, с нотками чего-то сладкого и одновременно пряного.

Она села. Вокруг были скалы — такие же чёрные, обугленные, как и по ту сторону Стены. Но здесь, в землях скальдов, они выглядели иначе. Более старыми, что ли. Более мрачными. Их вершины терялись в низких, тяжёлых облаках, которые, казалось, висели так низко, что до них можно было дотянуться рукой. А между скалами, в расселинах и ущельях, росла трава. Не чахлая, пожухлая, как по ту сторону, а высокая, жёсткая, с металлическим отливом.

- Пришла в себя? — голос Лиры прозвучал рядом.

Элора кивнула, не в силах говорить. Люцидор лежал неподалёку, его бока тяжело вздымались. Рогар сидел на камне, потирая больную ногу, и смотрел на неё с выражением, которое она не могла прочесть. Ворон стоял у края обрыва, вглядываясь в долину внизу.

- Долго я спала? — спросила Элора.

- Несколько часов, — ответил Ворон, не оборачиваясь. — Тяжелый переход. Для некоторых он оказывается последним. Ты справилась.

Она поднялась, чувствуя, как ноги дрожат. Земля под сапогами была твёрдой, каменной, но между камней пробивалась та же жёсткая, металлическая трава. Элора наклонилась, провела пальцами по листьям. Они были холодными, гладкими, как лезвия.

- Что это? — спросила она.

- Кроволист, — ответил Ворон. — Растёт только здесь. На той стороне не приживается. Лекари его ценят — раны заживает лучше любого бальзама. Но и ядовит, если не знать меры. Как многое здесь.

Он обернулся, и Элора словно впервые увидела его лицо. Оно было жёстким, изрезанным морщинами, но не старым. Глаза — тёмные, глубокие — смотрели на неё с тем выражением, которое она уже начала узнавать: усталая мудрость человека, который видел слишком много, чтобы удивляться чему-то ещё.

- Ты говорил, что магия перетекает на ту сторону, — сказала Элора, подходя к краю обрыва. — Что это значит?

Ворон указал рукой на запад, туда, где за грядями скал угадывалась Стена. Невидимая отсюда, но ощутимая каждой клеткой.

- Стена выкачивает магию из этого мира. Она уходит, и земля медленно умирает. Не так быстро, чтобы заметить эти изменения за один день, но... — он замолчал, и в его голосе прозвучала горечь. — Мои предки говорили, что когда-то здесь росли леса. Высокие, густые, с деревьями в три обхвата. Теперь только трава и камни.

- А дальше? — спросила Элора. — Чем дальше от Стены, возможно, там всё... лучше?

- Чем дальше, тем хуже, — ответил Ворон. — Земля становится сухой, трескается. Воды почти нет. Люди живут там, где ещё можно что-то вырастить. Или умирают. Или уходят на войну.

Он помолчал, потом вытащил из-за пазухи свёрток — потрёпанную, засаленную карту на тонкой коже.

- Это вам. Здесь отмечены безопасные тропы, места, где можно укрыться, и места, куда лучше не соваться. Дальше я не пойду.

- Почему? — спросил Рогар, поднимаясь.

- Потому что моя работа — провести вас через Стену. Дальше вы сами. Я нужен здесь. У меня свои счёты, — он посмотрел на Элору, и в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на сочувствие. — Тот, кого вы ищете, мог пойти к «Вратам». Это место отмечено на карте. Но будьте осторожны. Там, где заканчиваются безопасные тропы, начинаются земли радикалов. Они не любят чужаков. И не задают вопросов.

Он развернулся и пошёл обратно к Стене, не оглядываясь. Элора смотрела ему вслед, пока его фигура не растаяла в лиловом мареве. Потом развернула карту.

- Что будем делать? — спросила Лира.

- Сначала найдём укрытие, — ответила Элора. — Ворон сказал, что днём лучше не летать. Отсидимся в пещере, а с сумерками выдвинемся.

- Куда? — спросил Рогар. — У тебя есть план?

Она покачала головой.

- Пока нет. Но он появится.

Пещера нашлась неподалёку — глубокая расселина в скале, достаточно просторная, чтобы уместиться всем троим с мантикорами. Люцидор и Аура, измотанные переходом, сразу же улеглись, положив головы друг на друга.

- Вы как? — спросила Элора, опускаясь на камень.

- Нормально, — ответила Лира, растирая затёкшие плечи. — Аура немного устала, но в целом держится.

- Нога болит, — признался Рогар, потирая колено. — Но не критично. Летать могу.

Они замолчали. Тишина в пещере была плотной, давящей. Где-то далеко, за стенами, слышался ветер, и в его завывании было что-то древнее, почти живое.

- Рогар прав, — сказала Лира, нарушая молчание. — У нас нет плана. Мы даже не знаем, куда идти.

- Кейден за Стеной, — твёрдо сказала Элора. — Я чувствую это.

- А что, если нет? — осторожно спросил Рогар. — Что, если его забрали свои? Держат в застенках Протектората как предателя? Тогда мы летим не туда.

Элора сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Она знала, что он прав. У неё не было доказательств. Только интуиция. Только та странная, эфемерная связь, которая возникла между ними в Академии и которая теперь, казалось, стала ещё сильнее.

- Я знаю, — сказала она. — Но я также знаю, что если мы не проверим этот путь, то никогда не простим себе. Кейден пошёл на переговоры со скальдами. Он доверял им. Если он жив, он там. Я верю в это.

Рогар смотрел на неё долго, очень долго. Потом кивнул.

- Ладно. Верим. Но нужен план. Мы не можем просто лететь наугад.

- У нас есть карта, — сказала Элора, разворачивая кожу. — «Врата» — вот здесь, — она указала на точку в глубине земель скальдов. — Если мы будем лететь ночами, через три-четыре перехода мы будем там.

- А если нас заметят? — спросила Лира.

- Будем уходить, — ответила Элора. — И прятаться. Другого выхода нет.

Они замолчали, глядя на карту. Снаружи, за стенами пещеры, уже начало темнеть. Тени выползали из расселин, заполняя ущелья, и в этом сумеречном свете скалы казались ещё более древними, ещё более мрачными.

- Ладно, — сказал Рогар, поднимаясь. — Тогда выдвигаемся. Чем скорее, тем лучше.

Ночное небо над землями скальдов было не таким, как над Протекторатом. Звёзды здесь выглядели ярче, крупнее, и они висели так низко, что, казалось, до них можно дотронуться рукой. Луны не было, но небо светилось само — тусклым, зеленоватым светом, который будто исходил от самой земли.

Элора летела первой, Люцидор нёс её ровно, мощно, и она чувствовала, как он наслаждается полётом. Здесь, за Стеной, воздух был другим. Он обволакивал, укутывал, как тёплое одеяло, и в этом было что-то уютное, почти родное.

- Смотрите, — сказала Лира, указывая вниз.

Элора проследила за её рукой и увидела как внизу, в долине, горели огни. Много огней — не костров, а настоящих ламп, расставленных вдоль улиц. Это было селение — не лагерь, не временное убежище, а настоящий, постоянный посёлок с домами, улицами, площадями. С высоты он казался игрушечным — маленькие, аккуратные строения, крытые тёмной черепицей, узкие улочки, площадь в центре.

- Скальды, — прошептал Рогар. — Их поселение.

- Опускаемся, — сказала Элора, закладывая вираж.

- Ты с ума сошла? — воскликнула Лира. — Нас заметят!

- Мы будем осторожны. Я хочу посмотреть.

Люцидор послушно снизился, и через несколько минут они уже сидели в укрытии — небольшой расселине на склоне холма, откуда открывался вид на селение. Элора смотрела, как последние жители расходились по домам, как постепенно гасли огни в окнах, как затихали голоса.

И понимала, что эти люди мало чем отличаются от тех, кого она видела в Протекторате. Те же дома, те же улицы, те же заботы. Женщины, возвращающиеся с детьми. Старики, сидящие у порога. Мужчины, несущие дневную добычу — сети, инструменты, охапки хвороста.

- Они такие же, как мы, — прошептала она.

- Не такие, — возразил Рогар. — Они наши враги.

- Они такие же, как мы, — повторила Элора, и в её голосе была уверенность, которой она не чувствовала раньше. — Просто родились по другую сторону Стены.

Они сидели в тишине, глядя, как селение погружается в сон. И Элора думала о том, что война, которую они вели, была ошибкой. Нелепой, страшной ошибкой, которая стоила жизни тысячам людей и зверей. И что, возможно, именно здесь, в этой чужой, но такой похожей на родную земле, она найдёт не только Кейдена, но и ответы на свои вопросы.

- Нам пора, — сказала Лира, когда огни погасли окончательно.

- Да, — кивнула Элора. — Пора.

Они поднялись в воздух и полетели дальше, на север, туда, где на карте были отмечены «Врата». Туда, где, возможно, ждал Кейден. Или не ждал. Но они должны были проверить.

Глава 11

Они летели всю ночь.

Небо над землями скальдов было непривычно темным, и только звезды, крупные и яркие, указывали путь. Элора вела отряд, Люцидор летел ровно, экономя силы, и она чувствовала через связь его сосредоточенность. Он тоже знал, что каждое мгновение на этой чужой земле может стать последним.

Рогар держался справа и чуть сзади, его Ирис, оправившаяся после ранения, летела уверенно, но без прежней лихости. Лира замыкала строй, её Аура, темная в ночи, сливалась с небом.

Они не разговаривали. Звуки в ночном воздухе разносились далеко. Тишина была их лучшим союзником.

Когда небо на востоке начало светлеть, Элора подала знак. Люцидор плавно пошел на снижение, и они углубились в узкое ущелье, где скалы нависали так плотно, что даже дневной свет с трудом пробивался сквозь расселины.

- Остановимся здесь, — сказала Элора, когда они нашли небольшую пещеру — достаточно глубокую, чтобы спрятаться, но не настолько, чтобы в ней было темно и сыро.

Люцидор и Аура опустились на землю тяжело — ночной перелет измотал их, но они держались. Элора спешила, провела рукой по шее Люцидора, проверяя его состояние. Он был уставшим.

- У вас есть немного времени, пока день не вступил в свои права, — сказала Элора, обращаясь к мантикорам. — Охотьтесь, но возвращайтесь до того, как станет светло.

Люцидор посмотрел на неё, и через связь пришли чувства понимания и осторожности. Он лизнул её ладонь и вместе с Аурой бесшумно исчез в расселине. Ирис последовала за ними, её золотистая шкура мелькнула в предрассветных сумерках.

- Хорошо, что они умеют охотиться сами, — сказал Рогар, опускаясь на камень и вытягивая больную ногу. — Нашего пайка надолго не хватит.

Элора развязала мешок с припасами. Сухой паек, который они взяли с заставы, был скудным — несколько лепешек, вяленое мясо, горсть сушеных трав для отвара. Она разделила всё на три равные части, стараясь не думать о том, что это, возможно, их последняя еда.

- Хватит дня на три, — сказала она. — Потом придется самим добывать еду.

- Я умею ставить силки, — неожиданно сказал Рогар. — Отец учил. В лесах за нашим поместьем было много дичи.

Элора удивленно посмотрела на него. Рогар никогда не рассказывал о семье. Она и не знала, есть ли она у него.

- У нас всех есть что-то, о чем мы не говорим, — сказал он, поймав её взгляд. — Но сейчас не время.

Лира, сидевшая у входа, молчала. Она смотрела на светящееся небо, и в её глазах было что-то, чего Элора не могла прочесть. Тревога? Страх? Или просто усталость?

- Дежури по очереди, — сказала Элора. — Двое спят, один караулит. Через три часа смена. Я первая.

- Нет, — возразил Рогар. — Ты давно нормально не отдыхала. Ложись. Я покараулю.

Она хотела поспорить, но Лира кивнула. И Элора сдалась. Она легла на жесткий каменный пол, подложив под голову свернутый плащ, и закрыла глаза.

Сон пришел не сразу. Элора лежала, слушая, как дышат товарищи, как где-то далеко, за стенами пещеры, завывает ветер. И думала о том, что с ней происходит что-то странное.

Магия Стены, которая на той стороне вызывала у неё такую боль, что она теряла сознание, здесь почти не ощущалась. Вернее, она была — тяжелая, густая, как патока — но она

не причиняла вреда. Она словно обтекала её, не попадая внутрь, не касаясь тех болезненных струн, которые вибрировали в её теле. Это было непривычно. Пугающе. И в то же время — освобождающе.

Впервые за долгое время её голова не болела. Впервые за долгое время она могла дышать полной грудью, не ожидая, что очередной вдох принесет боль. Она закрыла глаза и почувствовала, как напряжение, копившееся месяцами, начинает отпускать.

Она уснула.

Разбудила её Лира, тихо коснувшись плеча.

- Твоя очередь, — сказала она. — Всё тихо.

Элора села, чувствуя, что спала всего несколько минут. Но взглянув на небо за входом в пещеру, поняла — прошло не меньше шести часов. Солнце уже поднялось, но его лучи не проникали в ущелье.

- Спасибо, — сказала она, поднимаясь.

Лира кивнула, устроилась на её месте и через минуту уже спала. Рогар тоже спал, свернувшись калачиком у стены. Элора села у входа, прислонившись спиной к холодному камню, и стала смотреть наружу.

Люцидор, Аура и Ирис лежали в расселине неподалеку, сытые и довольные. Через связь Элора чувствовала тепло и покой — Люцидор насытился, и это ощущение разливалось внутри неё, согревая.

Она думала о Кейдене. Где он? Жив ли? Чувствует ли он, что она идёт к нему? Или уже потерял надежду? Она не знала. Но верила, что найдёт его. Должна найти.

Ночью они снова поднялись в небо.

Оно было таким же темным, звезды — такими же яркими. Элора вела отряд, стараясь не думать о том, что они уже вторые сутки в землях скальдов. Ворон говорил, что до «Врат» несколько переходов. Если лететь без остановок, можно добраться за два-три дня.

Она молилась, чтобы они успели.

Рогар молчал. Лира молчала. Они летели в тишине, нарушаемой только свистом ветра и редкими криками ночных птиц. Элора уже начала верить, что они доберутся без приключений, когда удача отвернулась от них.

Это случилось на рассвете.

Небо на востоке только начинало светлеть, когда на горизонте появились точки. Много точек. Они двигались быстро, стремительно, и через несколько секунд стало ясно — это виверны. Скальды.

- Вниз! — крикнула Элора, закладывая крутой вираж. — Быстро!

Люцидор послушно рванул к земле, за ним — Аура и Ирис. Они снижались, надеясь укрыться среди скал и скудной растительности, но расчёт оказался неверным.

Скальды были быстрее.

Они окружили их мгновенно — десяток виверн с наездниками в тёмных, облегающих доспехах, с лицами, скрытыми за шлемами. Их глаза смотрели холодно, безжалостно. Люцидор зарычал, готовясь к броску, но Элора мысленно приказала ему стоять.

- Мы не враги! — крикнула она, поднимая руки, чтобы показать, что не вооружена. — Мы ищем товарища! Его зовут Кейден!

Один из скальдов, тот, что сидел на самой крупной виверне, повернул голову. Элора не видела его лица, но почувствовала — имя знакомо ему.

- Следуйте за нами, — сказал он на общем языке с сильным акцентом. — Без сюрпризов. Без глупостей.

- Куда? — спросил Рогар, его рука легла на рукоять меча.

- Увидите.

Элора кивнула, и скальды сомкнули кольцо, приказывая следовать за ними.

Лагерь оказался в глубокой долине, защищенной скалами со всех сторон. С воздуха его можно было заметить только если знать, куда смотреть. Элора насчитала несколько десятков палаток, аккуратно расставленных между камнями. В центре горел костер, вокруг которого сидели люди. Виверны отдыхали на специальных насестах — высоких каменных платформах, выложенных по краям долины.

Люди в лагере были одеты по-разному. Женщины в длинных, грубых платьях, мужчины — в кожаных штанах и куртках, многие с оружием. Дети, грязные, с огромными глазами на бледных лицах, жались к матерям, но не убегали. Они смотрели на чужаков с любопытством и страхом.

Виверны, которых Элора успела рассмотреть, были разными. Маленькие, размером с лошадь, и огромные, с крыльями, которые в сложенном виде достигали земли. Некоторые были ранены — их тела покрывали свежие шрамы и повязки. Другие, наоборот, выглядели сытыми и ухоженными.

Элора заметила, что многие скалды смотрят на них без ненависти. Только настороженно. Как смотрят на тех, кто может быть опасен, но пока не проявил себя.

- Сюда, — сказал их провожатый, указывая на большую палатку в центре лагеря.

Их ввели внутрь. Палатка оказалась просторной, с высоким сводом и несколькими выходами. В центре, на грубом деревянном кресле, сидела женщина.

Старая. Мудрая. С лицом, изрезанным морщинами, и глазами, которые, казалось, видели всё на свете и не удивлялись ничему. Её седые волосы были заплетены в тугую косу, на плечи накинут плащ из меха какого-то животного. На поясе висел короткий меч в простых ножнах.

- На колени, — приказал провожатый.

Рогар напрягся, но Лира, коснувшись его плеча, первой опустилась на колени. Элора последовала за ней. Рогар, выругавшись сквозь зубы, сделал то же самое.

Женщина смотрела на них. Долго. Пристально. Изучала лица, одежду, оружие. Элора чувствовала на себе её взгляд — тяжелый, пронизывающий, как нож. И не могла понять, что в нём больше — ненависти или любопытства.

- Вы ищете Кейдена, — сказала женщина на общем языке, чище, чем её соплеменники. — Зачем?

- Он наш друг, — ответила Элора, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Он ушёл на переговоры с теми, кому доверял по эту сторону Стены, и не вернулся.

Женщина помолчала. Потом поднялась, подошла ближе, остановилась в двух шагах от Элоры. Она была невысокой, но в ней чувствовалась сила — не физическая, а та, которая заставляет людей подчиняться беспрекословно.

- Ты та, кто убила Хранителя Гнёзд, — сказала она. Это был не вопрос.

Элора почувствовала, как внутри всё оборвалось. Она знала, что рано или поздно это станет известно всем. Знала, что придётся отвечать. Но не думала, что так скоро.

- Да, — сказала она, поднимая голову и глядя женщине прямо в глаза. — Он хотел уничтожить Академию. Он убивал моих друзей. Я защищалась.

Женщина смотрела на неё долго, очень долго. Потом медленно кивнула.

- Я знаю, — сказала она. — Я — его мать. Меня зовут Ветрана.

Она развернулась и пошла обратно к креслу, оставив Элору стоять на коленях. И в этой тишине, нарушаемой только потрескиванием костра за стенами палатки, Элора поняла, что сейчас решится её судьба. И судьба её друзей.

И она была готова. Потому что терять ей было нечего. Кроме Кейдена.

Глава 12

Ветрана не убила их.

Это осознание пришло к Элоре не сразу, а только когда женщина жестом приказала воинам, охранявшим вход в палатку, отступить. Кожаный полог откинулся, и в проём хлынул серый, унылый свет здешнего утра. Ветрана вышла первой, даже не обернувшись, будто не сомневалась, что они последуют за ней.

Элора поднялась на ноги. Они затекли, колени ломило, но она не подала виду. Переглянулась с Лирой — та была бледна, но держалась. Рогар, опираясь на трость, с трудом выпрямился и тихо выругался сквозь зубы.

- Идём, — сказала Элора товарищам и шагнула следом за Ветраной.

Лагерь клана жил своей жизнью, не обращая внимания на чужаков. Элора шла за старой женщиной, стараясь запоминать дорогу, но поняла, что это бесполезно — палатки, навесы, загоны для виверн были расставлены без всякого порядка, как попало, подчиняясь только рельефу местности. Между ними вились узкие тропы, вытоптанные в каменистой почве, и Ветрана сворачивала то в одну, то в другую сторону с уверенностью человека, знавшего каждый камень.

Люди, попадавшие им навстречу, расступались, не глядя на чужаков. Элора заметила, что никто не смотрел на неё с ненавистью. Только с усталым, бесконечным любопытством, которое граничило с безразличием. У женщин были осунувшиеся лица и глубокие тени под глазами. Они не спали по ночам, сторожили детей, боялись налётов. У мужчин — грубые, обветренные лица и руки, покрытые шрамами, похожими на те, что остаются после долгой работы с верёвками и кожей. Или после боя.

Дети — худые, с огромными глазами на бледных лицах — провожали их взглядами, но не убегали. Один мальчик, лет шести, осмелился подойти ближе и протянул руку к кинжалу Элоры. Она замерла, не зная, что делать, но мать, выбежавшая из-за палатки, схватила его за плечо и оттащила прочь, что-то зашептав на гортанном языке скальдов.

- Они не видели чужаков, — сказала Ветрана, не оборачиваясь. — Только тех, кто приходит убивать. Ты для них — не человек. Ты — детская страшилка из сказки.

Элора промолчала. Она чувствовала себя призраком. Чужая в чужом мире.

Они вышли на окраину лагеря, туда, где скалы расступались, образуя узкий проход, за которым открывалась небольшая долина. Ветрана остановилась у входа, пропуская их вперёд.

- Смотрите, — сказала она. — Смотрите и запоминайте.

Элора шагнула в проход и замерла.

Перед ней было кладбище.

Оно занимало всю долину — от края до края, насколько хватало глаз. Маленькие холмики, отмеченные грубыми, неотёсанными камнями, тянулись до самого горизонта, где скалы смыкались с низким, тяжёлым небом. Некоторые могилы были старыми — камни почернели от времени, трава, жёсткая, с металлическим отливом, пробивалась сквозь щели, оплетала их, как щупальца. Другие — совсем свежие, с ещё не успевшей осесть землёй, без единой травинки.

Элора не могла пошевелиться. Она смотрела на эти холмики и считала. Сто. Двести. Пятьсот. Тысяча. Глаза отказывались верить, но сердце уже знало правду.

- Сколько их? — спросил Рогар, и его голос, обычно грубый и самоуверенный, прозвучал хрипло, неестественно.

- Три тысячи двести семь, — ответила Ветрана. — Те, кого мы смогли похоронить. Остальные сгорели вместе с домами. Или остались лежать там, где их настигла смерть.

Она шагнула вперёд, прошла между могилами, и Элора, не сговариваясь, последовала за ней. Лира и Рогар — тоже. Они шли молча, ступая осторожно, будто боялись потревожить тех,

кто лежал под камнями. Тишина здесь была другой, чем в лагере — не живой, не тревожной, а мёртвой. Даже ветер, который обычно выл в расселинах, стихал, когда касался этой долины.

Ветрана остановилась у одного из холмиков — небольшого, почти незаметного, с маленьким, гладким камнем в изголовье. На камне была выпарапана одна-единственная руна. Элора не знала языка скальдов, но поняла без перевода: здесь лежал ребёнок.

- Моя внучка, — сказала Ветрана, опускаясь на корточки. — Ей было пять лет. Она не хотела умирать. Она хотела жить. Бегать, играть, смеяться. Но у неё была лихорадка, а лекарства, которые мы просили у контрабандистов, не дошли до нас. Ваши люди перехватили их на границе. Те, кто считает, что война — это бизнес.

Элора стояла, не в силах вымолвить ни слова. Она смотрела на маленький камень, на грубые, неловкие линии руны, и перед глазами вставало лицо мальчика из серой зоны — того, который тянул руку к её кинжалу. У него могли быть дети. У его детей — свои дети. И все они могли умереть так же. От лихорадки. От голода. От когтей виверны. От меча наёмника.

- За что? — спросил Рогар, и в его голосе прозвучало то, чего Элора никогда раньше не слышала. Боль. Чистая, незамутнённая боль, которую он не мог скрыть за своей обычной грубостью. — За что вы воюете? Вы же видите, что это ни к чему не приводит.

Ветрана поднялась и посмотрела на него. В её глазах, тёмных, глубоких, не было ненависти. Только усталость. Бесконечная, выматывающая усталость человека, который слишком долго нёс непосильный груз.

- Мы не воюем, — сказала она. — Мы защищаемся. Вы пришли на нашу землю, вы отравили её своей магией, вы убили наших детей. Мы просто пытаемся выжить.

Она обвела рукой долину, и этот жест был страшнее любых слов.

- Вы думаете, мы нападаем на ваши земли, потому что мы — чудовища? Потому что нам нравится убивать? Нет. Мы нападаем, потому что у нас нет выбора. Чем дальше от Стены, тем бесплоднее становится почва. Тем труднее растить детей. Тем меньше надежды на выживание.

Она указала на север, туда, где за грядями скал угадывалась бескрайняя, пустая равнина.

- Если ты пролетишь неделю от Стены, то увидишь пустошь. Голую, мёртвую землю, где ничего не растёт. Где даже виверны не могут охотиться, потому что нет дичи. Там живут только те, у кого нет сил уйти. Или те, кто не хочет бросать могилы предков. Мы не хотим воевать, девочка. Мы хотим жить. Но ваша магия убивает нашу землю. И пока это продолжается, война не кончится никогда.

Элора смотрела туда, куда указывала Ветрана, и впервые за долгое время ей стало по-настоящему страшно. Не за себя. За этот мир, который медленно, но верно умирал. За людей, которые рождались, жили и умирали в этой бессмысленной бойне. За Кейдена, который, возможно, уже никогда не вернётся.

- Я не знала, — сказала она, и голос её дрогнул. — Никто из нас не знал. Нам говорили, что вы — захватчики. Что вы хотите уничтожить Протекторат. Что вы — чудовища.

Ветрана усмехнулась, но усмешка вышла горькой, безрадостной.

- Мы знаем. Нам тоже говорили, что вы — чудовища. Что вы хотите уничтожить нас. Что вы отравляете землю нарочно, чтобы мы умерли с голоду. Это ложь. С обеих сторон. Но кто будет её слушать?

Она помолчала, глядя на могилы. Ветер, наконец, прорвался в долину, и трава зашелестела, зашептала на своём языке.

- Мой сын верил, что войну можно остановить, — сказала Ветрана. — Он думал, что если нанести удар по самому сердцу Протектората, если уничтожить Академию, то война закончится. Ему сказали, что именно там готовится нападение на наши земли. Что оттуда должны вылететь наездники, чтобы пересечь Стену и перенести войну сюда, на нашу сторону.

Элора замерла. Она вспомнила документы из старого форта. Имя Финна. Слова: «Академия будет атакована в назначенный срок».

- Это была ложь, — сказала она. — В Академии не готовили нападения.

- Я знаю, — кивнула Ветрана. — Теперь знаю. Но тогда... тогда мой сын поверил. Он повёл свой клан на смерть. И вы, — она посмотрела на Элору, и в её взгляде не было обвинения, только констатация факта, — вы его убили.

- Я защищалась, — сказала Элора, и голос её прозвучал твёрже, чем она ожидала. — Он хотел уничтожить Академию. Он убивал моих друзей. У меня не было выбора.

Ветрана смотрела на неё долго, очень долго. Потом медленно кивнула.

- Я знаю. Я знаю, что у тебя не было выбора. Как и у него. Как и у всех нас.

Она развернулась и пошла обратно к выходу из долины, не оглядываясь. Элора, Лира и Рогар последовали за ней.

Они вернулись в лагерь, когда солнце уже клонилось к закату. Ветрана привела их к своему костру, жестом пригласила сесть. Поднесла деревянные миски с похлёбкой — жидкой, пахнущей травами и чем-то ещё, чего Элора не могла узнать. Мясо было жёстким и волокнистым.

- Ешьте, — сказала Ветрана. — Завтра вам понадобятся силы.

- Вы отпускаете нас? — спросил Рогар, недоверчиво глядя на похлёбку.

Ветрана усмехнулась.

- Я не держу пленных.

- Даже если они пришли с войной? — спросила Лира.

Ветрана посмотрела на неё, и в её глазах мелькнула грусть.

- Даже если они пришли с войной, — согласилась она. — Но вы — не воины. Вы — дети, которые ищут своего друга. И я помогу вам.

Элора отложила ложку.

- Почему? Я убила вашего сына.

Тишина стала тяжёлой, давящей. Костер трещал, бросая тени на лицо Ветраны, и в этом танце света и тьмы Элора видела то, что не замечала раньше — морщины. Глубокие, изрезанные, как шрамы. Они были повсюду — на лбу, у глаз, вокруг рта. И в каждой из них, казалось, была своя история потерь.

- Мой сын был хорошим воином, — наконец сказала Ветрана. — Но он был глупцом. Он верил тем, кто обещал ему мир. Тем, кто сказал, что если не ударить первыми, наши земли сожгут дотла.

- Кто это был? — спросила Элора. — Кто сказал ему эту ложь?

Ветрана покачала головой.

- Я не знаю. Он не назвал имён. Сказал только, что это люди, которые хотят мира. Которые знают, как его достичь.

Элора вспомнила Финна. Его лицо в тот момент, когда их взгляды встретились во время битвы — спокойное, почти безмятежное. И тень улыбки на губах.

- Это были те же люди, которые убили моего друга, — сказала она. — И брата Кейдена. Те, кому выгодна война. Они хотят, чтобы мы уничтожили друг друга.

Ветрана кивнула.

- Возможно. Или они хотят чего-то большего. Не знаю. Но я знаю, что если вы не найдёте своего друга, если не остановите их, война будет длиться вечно.

Она поднялась, отряхнула плащ.

- Отдыхайте. Завтра я покажу вам, куда идти. И, возможно, помогу найти вашего друга.

Она ушла в темноту, оставив их сидеть у костра. Элора смотрела ей вслед, и в её груди разливалось странное, горькое чувство. Она только что видела мать, потерявшую сына. И эта мать не прокляла её. Не ударила. Не убила. Она помогла.

- Идём, — сказала она Лире и Рогару. — У нас мало времени на отдых.

Ночью Элора не спала. Она сидела у входа в палатку, которую отвела им Ветрана, и смотрела на звёзды. Они были такими же яркими, как в первую ночь за Стеной, но теперь в их свете было что-то тревожное. Каждая звезда казалась далёким, холодным глазом, который смотрел на неё с немим вопросом: «Что ты здесь делаешь? Зачем ты пришла?»

Люцидор лежал рядом, его дыхание было ровным, спокойным. Через связь приходило тепло и уверенность — он был рядом, он защищал её. Элора гладила его по шерсти, чувствуя, как пальцы скользят по жёсткой, короткой шерсти, и думала о Кейдене.

Она вспоминала его лицо в тот вечер, когда он учил её владеть тенями. Его руки на её плечах — твёрдые, уверенные, но такие осторожные, будто он боялся сделать больно. Его голос, тихий и твёрдый: «Мы в одной лодке». И то, как он смотрел на неё, когда прощался у Академии — будто хотел сказать что-то, но не сказал.

«Где ты? — думала она. — Жив ли? Знаешь ли, что я здесь, ищу тебя?»

Она не знала увенчаются ли поиски успехом. Но верила в это.

- Спи, — сказала Лира, выходя из палатки. — Я покараулю.

Элора кивнула, но не двинулась с места. Она смотрела на звёзды, и в голове крутились мысли о Ветране, о её внучке, о могилах, которые тянулись до самого горизонта. Она думала о том, что война — это не про героев и злодеев. Это про боль. Про потери. Про тех, кто остаётся жить с этим грузом.

- Лора, — Лира села рядом. — Ты как?

- Не знаю, — честно ответила Элора. — Я думала, что после Академии всё будет проще. Что я знаю, кто враг, а кто друг. А теперь... теперь я не знаю ничего.

Лира молчала, глядя на огонь. Потом сказала:

- Может, это и есть правда? Что нет врагов и друзей. Есть только люди. И те, кто хочет их убить.

Элора посмотрела на неё. В свете костра лицо Лирь казалось старше, чем обычно — уставшее, осунувшееся, но всё такое же твёрдое, непоколебимое.

- Ты боишься? — спросила Элора.

- Да, — призналась Лира. — Но это не важно. Важно то, что мы делаем.

Они замолчали. Ветер выл в расселинах, где-то далеко кричала виверна. Элора закрыла глаза и попыталась представить, что будет завтра. Но в голове была только темнота.

Утром Ветрана пришла к ним с картой.

Она была старше той, что дал Ворон, и намного подробнее. На ней были отмечены не только тропы и убежища, но и земли, где магия Стены была особенно сильна, и те, куда лучше не соваться даже опытным воинам. Элора развернула кожу, провела пальцами по линиям, и сердце её ёкнуло.

«Врата» были отмечены красным.

- Ваш друг должен быть там, — сказала Ветрана, указывая на точку в глубине земель скальдов. — Это опасное место. Даже мои воины обходят его стороной.

- Что там? — спросила Лира.

- Там, — Ветрана помолчала, собираясь с мыслями, — там то, что убивает нашу землю. Источник магии, которую выкачивает ваша Стена. Если его уничтожить, война может закончиться. Но никто не знает, как это сделать.

- Кейден мог знать... или догадывался, как это сделать, — сказала Элора.

Ветрана кивнула.

- Возможно. Или он лишь так думал. Те, кому выгодна война, не хотели бы, чтобы она закончилась.

Она свернула карту и протянула её Элоре.

- Держи. Это всё, что я могу для вас сделать. Дальше вы сами.

- Спасибо, — сказала Элора, принимая карту. — Я не забуду твою доброту.

- Забудь, — усмехнулась Ветрана. — Война — это не про добро. Это про жизнь.

Она развернулась и ушла, не оглядываясь. Элора смотрела ей вслед, и в её груди разливалось странное, горькое чувство. Она только что видела женщину, которая потеряла всё. И эта женщина помогла ей.

- Идём, — сказала она Лире и Рогару. — У нас мало времени.

Они взлетели, когда солнце только начало подниматься над скалами. Ветрана дала им провожатого — молодого скальда по имени Эрик, который знал безопасные тропы. Он летел впереди, на небольшой, юркой виверне, и указывал путь.

Элора смотрела вниз, на землю, которая была такой чужой и такой родной одновременно. Она видела разрушенные дома, заброшенные поля, могилы у обочин. И понимала, что война — это не про героев и злодеев. Это про боль. Про потери. Про тех, кто остаётся жить с этим грузом.

Она думала о Ветране. О её сыне. О маленькой внучке, которая никогда не увидит мира без войны. И обещала себе, что сделает всё, чтобы этот мир наступил.

- Вперёд, Люцидор, — сказала она, и зверь, послушный её приказу, ускорился.

Впереди ждали «Врата». Впереди ждал Кейден. И она найдёт его.

Глава 13

Элора ошиблась. Она думала, что «Врата» находятся где-то у Стены, в той самой полосе искажённой реальности, где магия клубилась лиловым туманом, а земля трещала и умирала. Но накануне, когда Ветрана развернула перед ней карту, когда её палец, сухой и морщинистый, коснулся красной отметки, Элора поняла, как сильно ошибалась.

«Врата» были в глубине земель скальдов. Далеко от Стены.

- Я думала, что Врата это часть Стены? — спросила она тогда.

Ветрана посмотрела на неё, и в её глазах мелькнуло что-то, похожее на грустную усмешку.

- Тогда их было бы проще найти. Ваши учёные, наши воины — все искали источник магии у Стены. Никто не думал, что он может быть так далеко.

Элора смотрела на карту, и вопросы множились, но она не решалась их задать.

- Там есть кое-что ещё, — сказала Ветрана, будто прочитав её мысли. — Лес. Старый, древний лес, который сохранился, потому что магия у

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.